

И. Д. ЛАПТЕВ

Власть без славы

<Фрагменты>

**Глава 10
Союзный договор**

Основные события в СССР за время наиболее «плотной» работы над соглашением о Союзе Суверенных Государств — это, конечно же шахтерские забастовки, акции небывалого размаха и новой, политической, окраски. Бастуют во Львове, в Ростове-на-Дону, в Туле, в Кузбассе, в Донбассе, устраивают голодовки в Москве. Требования: зарплату на мировой уровень, пенсионные льготы для всех, кто спускается под землю, президента СССР и союзное правительство в отставку, обеспечить радикальные и подлинно демократические преобразования в стране. Группа российских депутатов всячески раскручивает забастовочное движение, загоняя Горбачева в угол. С другой стороны, из рядов родной КПСС несется злорадное: вот до чего довел страну! Готовится апрельский Пленум ЦК КПСС, уже известно, что там будет предпринята решительная попытка сместить Горбачева с поста Генерального секретаря¹. Если забастовки явно направлены на срыв референдума, то партийная интрига — против перестроечных реформ.

Не удается ни та ни другая попытка. Референдум 17 марта 1991 года приносит воодушевляющий успех². Вопрос, вынесенный на него, был чрезвычайно усложненным: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» — но люди поняли, о чем речь. Поэтому, хотя препятствий для волеизъявления граждан было создано немало, 80 процентов в целом по Советскому Союзу приняли участие в голосовании, 76,4 процента из них высказались за сохранение Союза ССР (по России — 71,3 процента). Предприняв ряд тактических шагов, речь о которых пойдет ниже, Горбачев срывает попытку «бунта» на пленуме...

23 апреля Горбачев собрал в Ново-Огареве руководителей девяти республик и убедил их подписать «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса», известное как документ «9+1». Подписи под ним поставили Горбачев, Ельцин, премьер-министр Украины В. Фокин³, Председатель Совета Министров Белоруссии В. Кебич⁴, И. Каримов, Н. Назарбаев, А. Муталибов (Азербайджан), А. Акаев⁵, К. Махкамов⁶ (Таджикистан), С. Ниязов. Время действительно было выиграно, но не только время. С этим заявлением М. С. Горбачев приехал на апрельский Пленум ЦК КПСС и в ответ на критику резко поставил вопрос о доверии ему. Пленум пошумел, А. И. Вольский организовал сбор подписей в поддержку генсека, этим все и кончилось. Выступить против Горбачева, поддержанного республиками, члены ЦК КПСС не рискнули... В этих экстремальных условиях М. С. Горбачев проявляет потрясающую волю. Все замечания парламентов получены, обобщены. 23 июля он собирает руководителей практически всех республик, как союзных, так и автономных, в Ново-Огареве.

Я не участвовал в повседневной работе над проектом Союзного договора и не ездил до этого в Ново-Огарево. Но 23-го предполагалось окончательно согласовать документ, обсудить все спорные позиции, и Лукьянин, сославшись на Горбачева, сказал, что мне надо быть. Прибыло туда и почти все остальное союзное руководство — Павлов, Лукьянин, Нишанов⁷, Язов, А. А. Бессмертных — министр иностранных дел СССР, В. П. Щербаков⁸ — председатель Конфедерации профсоюзов СССР. За отдельным столом, чуть в стороне и сзади председателя, сидел В. И. Болдин, как всегда нахмуренный и молчаливый. Я поздоровался со всеми приехавшими на заседание, незнакомых тут не было, и сел к небольшому столику у окна. С другой стороны на этот столик выкладывал свои бумаги академик В. Н. Кудрявцев — один из крупнейших наших юристов.

Спорных вопросов было немало, но главными оказались все те же: собственность, Верховный Совет, Конституционный суд, бюджет и налоги, членство в Союзе. Особенно последние два. Рабочим текстом служил документ, представленный президентом СССР в союзный парламент 17 июня. Он включал преамбулу, главы «Основные принципы», «Устройство Союза» (11 статей), «Органы Союза» (8 статей) и «Заключительные положения» (7 статей).

Преамбулу и «Основные принципы» прошли быстро, внесена была только маленькая редакционная поправка. На первой же статье главы «Устройство Союза» застрялиочно и надолго, главным образом на третьей части этой статьи. В проекте она была сформулирована так: «Отношения между государствами,

одно из которых входит в состав другого, регулируются договором между ними и конституцией государства, в которое оно входит».

Понятно, что, в первую очередь, это положение затрагивало бывшие автономии — они входили в состав союзных республик, конституции которых и становились для них главенствующими. Автономии были с этим категорически не согласны, у них ведь имелись и свои конституции. Масштаб вопроса станет ясным, если вспомнить, что СССР включал в себя 53 национально-государственных образования, то есть 53 государства со своими гербами, флагами, правительствами и, конечно, конституциями. Автономные республики, понаблюдав за время перестройки за действиями союзных, решительно выступали за то, чтобы все межреспубликанские споры и проблемы регулировались Конституцией СССР. Союзные республики столь же решительно возражали. По несколько раз выступают В. Г. Ардзинба⁹ (Абхазия), М. Ш. Шаймиев (Татарстан), М. Г. Рахимов¹⁰ (Башкирия), М. Е. Николаев¹¹ (Якутия-Саха), Д. Г. Завгаев¹² (Чечено-Ингушетия). Им возражают А. Т. Асатиани¹³ (Грузия не желала участвовать в подписании договора, но представителя своего прислала), Б. Н. Ельцин. Президенты Казахстана и Узбекистана Н. А. Назарбаев и И. А. Каримов, всегда определенно выступавшие за Союзный договор, пытаются найти примиряющую всех формулировку, тоже выступают неоднократно. В конце концов В. Г. Ардзинба не выдерживает и обращается с громкой просьбой принять хоть какую-то формулу и двигаться дальше. Прошло уже несколько часов.

Наконец, записываем, выделяя особую позицию России, в которую входят 16 автономий: «Отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого, регулируются договорами между ними, Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР. В РСФСР — федеративным или иным договором, Конституцией СССР». Ельцин соглашается, не замечая, очевидно, что куда-то исчезла Конституция РСФСР. Но все уже слишком устали от этого вопроса, чтобы обращать внимание российского президента на явное упущение.

Переходим к другому, столь же высокому и коварному барьерау. Статья 9 — «Союзные налоги и сборы». Суть спора: будет ли Союз иметь право собирать федеральный налог непосредственно или же все налоги будет взимать республика и выделит Центру определенную часть собранных сумм. М. С. Горбачев отстаивал первую позицию, Б. Н. Ельцин склонялся к второй. Назарбаев и Каримов здесь активно поддерживали Горбачева: возглавляя дотационные республики, они могли надеяться на дальнейшую финансовую поддержку только в том случае, если у Центра бу-

дут деньги. И. Плющ, представлявший Украину, подыгрывал президенту России. Спорили около трех часов, дважды Горбачев объявлял перерыв, чтобы подумать. Потом Назарбаев с Ельциным уединились и предложили решение, с которым согласились все: единые союзные налоги устанавливались, но «в фиксированных процентных ставках, определяемых по согласованию с республиками, на основе представленных Союзом статей расходов. Контроль за расходами союзного бюджета осуществляется участниками договора». Ясно, что победила республиканская позиция, но хоть какие-то гарантии союзному бюджету были записаны.

Остальные спорные пункты прошли и уточнили очень быстро. Да и то — время шло к полуночи.

Президент СССР, держа в руках доработанный текст Союзного договора, медленно пошел вдоль стола, за которым сидели участники совещания:

— Ну а как подписывать будем?

А. И. Лукъянов встал и предложил провести процедуру подписания «важнейшего документа в жизни страны» только на Съезде народных депутатов СССР. Против такого предложения трудно было возражать, и все как-то неловко молчали. Молчал и Горбачев.

Я вспомнил только что завершившуюся сессию Верховного Совета СССР, обсуждавшую проект Союзного договора, представил себе, что может произойти на съезде, и дернулся встать. Михаил Сергеевич заметил это, подошел поближе.

— Нам не удастся подписать договор на съезде, — несколько громче, чем следовало, сказал я. — Нам просто не дадут открыть съезд. А если дадут, то сразу превратят его в судилище над президентом — вы же знаете, что заявляет группа «Союз». Если же этого не пройдет, то развернется обсуждение проекта договора, и он будет так раскритикован, что потеряет в глазах общественности всякое значение. Надо подписывать его в каком-то другом, лучше рабочем порядке.

Президент подумал.

— Давайте подумаем, еще раз проработаем этот вопрос, — сказал он после паузы. — А сейчас приглашаю всех к столу. Мы работали целый день, перекусим немного.

Все встали. Назарбаев подошел и дружески пихнул меня в бок.

Спустились на первый этаж, в столовую. И только здесь поняли, что многомесячная работа завершена, и даже поздравили друг друга. По правую руку от Горбачева сел Ельцин, слева — Лукъянов. Президент распорядился подать напитки, официанты принесли водку и коньяк, мы подняли бокалы за окончание исторического (вот где лучше всего подходит горбачевское «судьбоносного») дела.

За столом царила атмосфера согласия, все выглядели довольными и счастливыми, а Горбачев — больше всех. Уже за полночь мы отправились по домам. Помню, что шел очень сильный дождь, охрана сопровождала нас к машинам под зонтами, почти все вспоминали о народной примете: дождь — к богатству и урожаю.

Затем несколько дней проект еще выверялся юристами, но никаких изменений в него внесено не было. Кроме одного. В статье 5 «Сфера ведения Союза ССР», в части, касающейся вопросов безопасности, к словам «координация деятельности органов безопасности республик» председатель КГБ СССР В. А. Крючков добавил два слова: «руководство и....» Стало звучать: «руководство и координация...» Крючков сам согласовал эту поправку с руководителями республик, о чем в тексте договора была сделана специальная запись-сноска. В начале августа проект Союзного договора под шапкой «Согласовано 23 июля 1991 г.» был разослан по всем республикам для представления в парламенты.

Не знаю, как было в других республиках, но в РСФСР сразу начались некоторые странности. Сначала чуть не две недели текст в российском парламенте не появляется. Только десятого числа Б. Н. Ельцин направляет туда документ.

Верховный Совет РСФСР

В соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1991 года № 1548-1 представляю проект Договора о Союзе Суверенных Государств, который будет открыт для подписания 20 августа 1991 г.

Б. Ельцин

10 августа 1991 г.

Документ поступает в Верховный Совет России 12 августа. В это время большинство депутатов на каникулах, сессии не проводятся. В отпуске и Р. И. Хасбулатов. На хозяйстве — заместитель председателя Верховного Совета Б. Н. Исаев¹⁴. Вместе с председателем палаты Совет республики В. Б. Исаковым они посыпают телеграмму Хасбулатову. Ответ: размножить документ, раздать депутатам, больше ничего не предпринимать. Депутаты начинают возмущаться, некоторые срочно возвращаются из отпусков.

Назревает скандал. 15 августа Ельцин направляет в Верховный Совет еще одно письмо, в котором объясняет, что доработанный проект соответствует интересам Российской Федерации. Депутаты тем не менее не успокаиваются. Всех оскорбляет то, что договор одобряется и подписывается в обход парламента, по единоличному решению Ельцина*.

* Исаев В. Председатель Совета Республики: Парламентские дневники 1990–1991. М.: Палех, 1996. С. 315–317.

<...>

Перед Ельциным маячит призрак ситуации Горбачева — двусторонняя ловушка. С одной стороны, непримиримая общественность, с другой — осмелевшие депутаты из числа самых близких к нему. Впереди два сценария: либо отмахнуться от всех и подписать договор, либо занять позицию: я-то «за», я-то готов, но против общественности и народных депутатов пойти не могу...

Уверен, что Борис Ельцин избрал бы второй сценарий. Но 19 августа путч избавил его от необходимости делать выбор. И Ельцин использовал подаренную ему судьбой и группой политических авантюристов ситуацию на всю тысячу процентов.

Глава 11 День беды

В конце июля в Москву прилетел президент США Джордж Буш, теперь уже надо добавлять — старший. Визит был непродолжительным — три или четыре дня, переговоры, обеды, встречи. Первого августа Буш давал прием в честь М. С. Горбачева в особняке американского посольства, известном как Спасо-хауз. Как всегда в таких случаях, было приглашено все советское руководство. Был на приеме и Нурсултан Назарбаев, задержавшийся в Москве после ново-огаревских посиделок.

Поздоровавшись, я увлек его в ту часть помещения слева, где есть комната, напоминающая эркер или большое углубление в стене круглого зала. В глубине этой комнаты стоял черный кожаный диван, на котором одиноко томилась Е. Г. Боннэр. Мы представились, поприветствовали ее и отошли в сторонку.

— Нурсултан Абишевич, — обратился я к Назарбаеву, — завтра Михаил Сергеевич улетает в отпуск, Лукьянин уже в отпуске, а дата подписания Союзного договора так и не назначена. Поговори, пожалуйста, с Горбачевым, тянуть нельзя, против договора явно разворачивается агитация.

— Сейчас Ельцин приедет, мы вдвоем с ним с Михаилом Сергеевичем поговорим. Ты прав: тянуть нельзя, и так-то кое-как его согласовали.

Когда приехал Ельцин и поздоровался со всеми, Назарбаев действительно отвел его в сторону, и они договорились обратиться к Горбачеву с предложением назначить конкретную дату подписания Союзного договора.

Одной из самых больших загадок последних дней советской истории, думаю, навсегда останется вопрос, почему Горбачев уехал в отпуск. Он приложил, без преувеличения, колоссальные

усилия, чтобы довести до подписания Союзный договор. Он уже имел информацию о том, что готовится некая акция против него — первое предупреждение он получил от американцев еще в конце июня, а затем, от них же через Г. Х. Попова, после завершения работы в Ново-Огареве. И тем не менее спокойно покинул Москву. Был убежден, что никто на такое не решится? Не знал, что делать? Об этом может сказать только он сам. Если может.

Он даже не стал ждать завершения визита Буша, поручил нам с Е. М. Примаковым проводить американского президента и 4 августа улетел в Крым, на объект «Заря», как называлась на языке спецслужб дача в Форосе. Но дату официального подписания нового Союзного договора определил: 20 августа 1991 года, вторник.

В Москве наступила удивительная политическая тишина.

Для меня она была особенно желанной, так как я остался в Кремле, в той его части, где размещался Верховный Совет СССР, «на хозяйстве» и на лишние хлопоты не напрашивался. Почти все депутаты, председатели комитетов и комиссий были в отпусках, Р. Н. Нишанов тоже отдыхал. Я занимался текущими делами, принимал иностранных гостей — Верховный Совет СССР продолжали чуть ли не каждый месяц посещать десятки делегаций, представлявших парламенты зарубежных стран, — но, главным образом, курировал подготовку процедуры подписания Союзного договора. В этой процедуре кроме официальных «депутаций» республик должна была участвовать и депутатация СССР, в которую я был включен. Основная нагрузка по оборудованию Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца, где должна была проходить церемония подписания, по подготовке сценария легла на Г. С. Таразевича¹⁵, народного депутата от Белоруссии, председателя Комиссии по национальной политике и национальным отношениям Совета Национальностей, мне оставалось только просматривать подготовленные им предложения.

Однако через неделю, то есть к 10–12 августа, что-то стало меняться. Неуловимые реакции внешней среды, как сказали бы экологи, начали постепенно превращать политическую тишину в тишину перед политической грозой. Нет, не поступало никаких документов на этот счет, не звучали тревожные звонки по самым «защищенным» телефонам, не врывались взволнованные посетители. Просто что-то витало в воздухе.

17 августа, в субботу, проходило очередное заседание политического совета Движения демократических реформ, сопредседателем которого я был вместе с А. Н. Вольским, Э. Я. Шеварднадзе и А. Н. Яковлевым. Была моя очередь вести заседание, мы обсудили вопрос о том, как расширяется движение, с энтузиазмом

приняли в его состав и ввели в политсовет В. В. Бакатина. Перед закрытием заседания я сказал:

— Вы знаете, друзья, может быть, я просто замотался, но впечатление такое, словно что-то назревает, что-то такое, о чем мы не знаем.

Сразу развернулось живое обсуждение, оказалось, что многие обеспокоены этим же, и мы условились, что на следующем заседании политсовета рассмотрим вопрос об опасности реванша антиперестроечных сил.

После заседания А. Н. Яковлев, который в этот день сделал заявление о своем выходе из КПСС, попросил подвезти его до Моссовета, где Г. Х. Попов выделил ему небольшой кабинетик; Александр Николаевич в это время был без всяких постов, даже машину ему не оставили. Мы сели в «членовоз», на котором я тогда ездил, Яковлев что-то съязвил по этому поводу, мол, что в эти катафалки усаживаться трудно, а вылетать из них ох как легко, имея в виду, очевидно, свою судьбу. Заседание наше проходило на Новом Арбате, по-моему, в доме 10, и до здания Моссовета на Тверской мы доехали за несколько минут, пробок на Бульварном кольце тогда еще не было. И когда уже прощались, Александр Николаевич сказал:

— Знаешь, Иван, я уже пару дней назад написал заявление по поводу возможного реванша, так что об этом действительно надо поговорить. Если только мы не опоздали...

Еще через несколько минут я был в Кремле, остановился у входа в Большой Кремлевский дворец, отпустил машину, поднялся в Георгиевский зал. Все было готово, мальчики-горнисты из военного музыкального училища репетировали соответствующее музыкальное сопровождение (потом этот сценарий и декорации были скопированы при подписании Федерального договора РФ), обстановка была торжественной и красивой.

Перейдя Ивановскую площадь, как называется центр Кремля, я вошел в 19-й подъезд здания Верховного Совета и лифтом, который уже вызвали дежурившие на входе сотрудники охраны, поднялся к себе на 4-й этаж. Дежурный секретарь сказала мне, что звонил Лукьянин и просил перезвонить ему в дом отдыха на Валдай.

По спецкоммутатору тогда соединяли мгновенно, и почти сразу же я услышал голос Лукьянина. После приветствий и вопросов, как отдыхается, он спросил:

— К подписанию Союзного договора все готово?

— Да, я только что заходил в БКД, по-моему, все очень здорово, Таразевич — молодец.

— А сценарий Михаилу Сергеевичу послали?

— Еще вчера вечером.

— Ну тогда значит так: я прилечу вертолетом в понедельник вечером, Михаил Сергеевич — утром во вторник. В 12 часов подпишем договор, мы с Горбачевым будем доотдыхать, ты тоже можешь собираться в отпуск. Нишанов приедет на подписание и заменит тебя «на хозяйстве».

Мы распрощались, я просмотрел накопившуюся за день почту, «расписал» ее, то есть дал аппарату поручения по каждому документу и письму, день завершался. В семь вечера я уехал из Кремля. Впереди был воскресный выходной, а следующая неделя виделась особенно хлопотной и важной.

На даче № 25 в поселке Снегири, которая была отведена мне, есть маленькая уютная веранда, она первой освещается солнцем на восходе. Там стоял телевизор, по которому я по многолетней газетной привычке обязательно смотрел новости в семь часов утра, запивая их чашкой растворимого кофе. Так начался и понедельник 19 августа. Только вот новости начались необычно.

Симпатяга ведущая зачитала Заявление Председателя Верховного Совета СССР товарища Лукьянова А. И.

Вот это да! Заявление недвусмысленно гласило, что подписывать Союзный договор нельзя. Но ведь мы с ним только позавчера об этом говорили. С того момента ни единой запятой в тексте документа не изменилось. Что случилось с Лукьяновым?

Некоторая ясность наступила, когда диктор зачитала документы так называемого ГКЧП, Государственного комитета по чрезвычайному положению, указ Г. И. Янаева: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127 (7) Конституции СССР вступил в исполнении обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года». Далее шло Заявление советского руководства. И опять: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом... полномочий Президента СССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу... заявляем...»

Заявили: введение чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР на срок до 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года...

Заявили: на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и Законы Союза ССР...

Заявили: в состав ГКЧП входят Бакланов О. Д. — первый заместитель Председателя Совета Обороны СССР (Председателем,

понятно, был Горбачев), Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Павлов В. С. — премьер-министр СССР, Пуго Б. К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А. — председатель Крестьянского Союза СССР, Тизяков А. И. — председатель Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — и. о. Президента СССР...

Заявили: все это делается, «идя навстречу требованиям широких слоев населения», а также что решения ГКЧП обязательны для исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Начали что-то говорить из «Обращения к советскому народу», но дальше я уже не слушал. На даче были системы правительенной связи, но никто по ним ни разу за последние сутки не позвонил, никакой информации о происходящем у меня не оказалось. Вот тебе и предчувствия...

Попросив жену побыстрее собраться, я вышел посмотреть, пришла ли машина, уверенный, что не придет. К удивлению, машина уже стояла на площадке перед дачей, водитель нервно прогуливался рядом. Водители из кремлевского гаража, как правило, люди начитанные, культурные, всегда в курсе происходящих событий. Но на сей раз он знал столько же, сколько и я. Рассказал, что доехал нормально, что в городе никаких изменений пока не заметно.

— А обратно-то доедем? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами водитель. — Во всяком случае, телефон в машине работает.

Жена собралась быстро и где-то уже около восьми часов мы направились в Москву. Волоколамское шоссе выглядело как обычно в понедельник — загружено, но не чрезмерно, а вот когда свернули на кольцевую автодорогу, сразу же встретили колонну бронетехники, она шла по внутренней стороне кольцевой в сторону Ленинградского шоссе. На подъезде к Рублевскому шоссе встретили вторую такую же колонну. Возникло опасение, что в Кремль нам не проехать.

У Боровицких ворот, через которые мы обычно проезжали, стояли танки. С другой их стороны, уже в Кремле, дежурили два бронетранспортера. Никто нас не остановил.

От 19-го подъезда здания Верховного Совета я отправил машину отвезти жену на квартиру, поздоровался с охраной, спокойной и приветливой, как всегда, поднялся на четвертый этаж и... запнулся. У кабинета Лукьянова стоял дежурный офицер. Обычно этот пост выставлялся только если председатель Верховного Совета был на работе.

— А что, председатель у себя? — спросил я дежурного офицера.
— Да он уж очень давно у себя, — ответил тот.

Тогда я и не подумал даже, что за этим осторожным ответом кроется не смысл «приехал рано», а смысл «провел здесь вчерашний вечер, ночь и сейчас уже принимает посетителей». Против обыкновения, я не заглянул в приемную Лукьянова, чтобы поздороваться с дежурными помощниками, а быстро прошел к себе, досадуя: надо же, давно приехал, мог бы и в машину позвонить, если не на дачу, хотя бы сказать, в чем дело.

В кабинете надрывались телефоны. Времени было 8 часов 45 минут. Первой я снял трубку телефона закрытой междугородной правительственный связи, известной как «ВЧ» — весьма чрезвычайно. Звонок был с какого-то командного пункта Тихоокеанского флота, звонил прорвавшийся туда Борис Резник, корреспондент газеты «Известия», ныне депутат Государственной Думы.

— Иван Дмитриевич, что происходит?

— Антиконституционный переворот, Боря, путч! Только это и могу тебе сказать, понял?

Не успел положить трубку — звонок с еще одного флота, теперь Черноморского. У телефона народный депутат от севастопольского территориального округа Виктор Ноздря. Тот же вопрос, тот же ответ.

Не могу сказать, сколько было звонков в то утро от народных депутатов, находящихся в своих округах. К ним, прежде всего, обращались люди, спрашивая, что бы это значило? А ответов у них не было. Многие хотели немедленно лететь в Москву, я просил их подождать хотя бы до вечера, так как не знал, дадут ли им вылететь и долететь. Кабинет постепенно наполнялся людьми, многие депутаты-москвичи оказались в Кремле почти одновременно со мной. Внезапно зазвонил городской телефон, номер которого знали всего пять-шесть человек. Говорил А. Н. Яковлев:

— Иван, за мной уже приехали. Две машины стоят внизу. В квартиру пока не поднимались.

— Не выходи никуда, Александр Николаевич. Информации у меня пока никакой. Сейчас буду искать Примакова, Вольского и Бакатина, остальные члены Совета Безопасности, по-моему, в отпуске. Потом созвонимся.

Примакова на месте не оказалось. С Вольским и Бакатиным удалось созвониться сразу. На мой вопрос о здоровье Горбачева Аркадий Иванович отреагировал необычно резко:

— Брехня это, Ваня! Я только вчера днем с ним разговаривал, он был в полном порядке. Эти идиоты ничего более убедительного придумать не могли. Да от идиотов и ждать нечего, — и кое-что добавил еще.

В. В. Бакатин был явно взволнован, но говорил спокойно:

— Мы с ним каждый день созваниваемся, даже намека никакого не было. Говорил, правда, что спина чуть побаливает, старый радикулит, но не больше. А это просто афера. Да ты спроси у Ревенко, он вчера из Фороса приехал.

Я разыскал Григория Ивановича Ревенко, тогда советника Горбачева, а после путча — руководителя его аппарата, сменившего на этом посту В. И. Болдина. Ревенко подтвердил, что Горбачев еще вчера был вполне здоров.

Народные депутаты, собравшиеся в кабинете, слушали эти разговоры, совещались и все активнее начинали требовать немедленного созыва сессии Верховного Совета СССР, а затем и съезда.

В половине одиннадцатого проснулся телефон прямой связи — Лукьянцов:

— Ты извини, что я тебя с утра принять не мог, тут, понимаешь, много народа сразу пошло.

— Погоди! — перебил я довольно резко. — Скажи, что с Горбачевым? Что вы задумали?

— А я тут ни при чем. Вообще не понимаю, зачем они мое Заявление пристегнули к своим документам, я вообще его еще в отпуске писал.

— А что с Горбачевым?

— С Горбачевым плохо. Лежит, говорят, ни на что не реагирует. Вчера к нему летали...

— Пусть не вешают тебе лапшу на уши! — заорал я к удивлению собравшихся. — Я только что разговаривал с Вольским, с Бакатиным, с Ревенко — все они еще вчера общались с президентом. Никакой болезни у него нет, чуть спина побаливает и только! Давай срочно собирать сессию.

— Ну, не знаю, не знаю. Про Горбачева я, конечно, выясню и, если что не так, все сделаю, ты же понимаешь. А сессию мы можем созвать только по регламенту, через семь дней, двадцать шестого. Я уже распорядился ее готовить, документы тебе скоро принесут.

Он положил трубку.

С этого момента я стал направлять депутатов в «Белый дом». Приходили и союзные, и российские депутаты, я рекомендовал им идти в здание Верховного Совета РСФСР. Некоторые за день успевали побывать там по 2–3 раза, возвращались и рассказывали о происходящем на улицах. Тревога и растерянность нарастали.

После двенадцати часов пришел Р. Н. Нишанов, он отдыхал в Крыму, в санатории «Южный» и только что прилетел в Москву:

— Слушай, что происходит? Кто тут командует?

В ответ я стал расспрашивать, видел ли он Горбачева, что знает о его состоянии.

— Нет, видеть не видел, но дважды разговаривал с ним по телефону. А состояние — так в «Южном» же его помощники живут. Они к нему каждый день ездили. Шаха (так мы между собой называли Г. Х. Шахназарова) я вчера видел, он ни о чем таком даже не заикнулся.

Рафик Нишанович, которого многие воспринимали как фигуру несколько комическую, как «личный рафик Михаила Сергеевича», на самом деле обладал очень острым умом и большим политическим опытом. Считалось в свое время, что он — самый перспективный секретарь ЦК Компартии Узбекистана. Видимо, это и сослужило ему плохую службу. У него начались конфликты с всесильным тогда первым секретарем ЦК КП республики, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Шарафом Рашидовым¹⁶. В результате Нишанов отправился послом в Пакистан и более чем на десять лет исчез с политической сцены Советского Союза. Только Горбачев отозвал его с дипломатической работы и рекомендовал на пост первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Но он же «сдернул» Нишанова с этого поста, едва тот установил мало-мальский контроль над республикой, и рекомендовал Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Мы сразу же решили идти к Лукьянину и требовать срочного созыва сессии Верховного Совета.

Лукьянин встретил нас приветливо и даже вроде бы весело:

— Авантюра это, то, что они затеяли. Авантюра! Конечно, сессию надо срочно созывать. Но обстановка сложная, сами понимаете. Поэтому будем действовать точно по регламенту. Самый ближайший срок — 26 августа. Я дал распоряжение Рубцову, он уже все готовит для сессии.

Мы ушли от Лукьянинова, как уходили всегда — все нормально, ситуация контролируется, работаем по закону.

Это был день кошмаров.

Наша с Нишановым беда, до сих пор не понятая, заключалась в простой ситуации: в отсутствие Председателя Верховного Совета председатели палат имели право созвать сессию своим совместным решением. Если же председатель был на месте, мы превращались в статистов. И вовсе не потому, что так было записано в регламентах. Но, прежде всего, потому, что чиновничий аппарат Верховного Совета в таких случаях как бы растворялся в атмосфере — никого не было, никто ничего не знал, телефоны умолкали, люди оказывались больными и т. п. Если уж сам Верховный Совет называли «лукьянинским», то его аппарат был таковым

без всяких кавычек и оговорок. Выросший в этом аппарате, поднявшийся с должности мелкого клерка до главы законодательной власти страны, обладавший отличной памятью, Лукьянов держал в своей голове буквально досье на каждого из тысячи двухсот работников аппарата — от заведующих отделами до уборщиц, и отладил такую систему управления, что знал, как мне кажется, не только о деятельности каждого сотрудника, но и о его мыслях. А возможно так и было.

В 15 часов мне позвонили из «Комсомольской правды», где как раз в этот день публиковалась моя статья, о которой упоминается в главе о партии, и сообщили, что ГКЧП закрыл газету. Как закрыл? Указом Янаева. Утром я, видимо, не дослушал до конца чтение документов, которые уже успели подготовить путчисты. Позвонил в канцелярию — нет. Какие-нибудь документы от Янаева поступали? Нет. Как же так — ведь по закону о чрезвычайном положении он должен вносить на утверждение Верховного Совета все документы, с этим связанные. Где они? Через час документ привезли. Оказалось, это не указ, а постановление ГКЧП. Вот оно:

Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР.

Постановление ГКЧП № 2.

О выпуске центральных, московских городских и областных газет.

В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.

Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР.

Москва, Кремль

19 августа 1991 г.

И печать — общего отдела аппарата президента СССР.

Мои розыски указа или постановления по газетам имели и побочный результат. Очевидно, люди, готовившие документы ГКЧП, вспомнили, что ведь их надо утверждать Верховным Советом СССР! Ближе к вечеру фельдегерь принес объемистый пакет. Документы, содержащиеся в нем, открывались «сопроводиловкой» Янаева:

Верховный Совет СССР

В соответствии со статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» незамедлительно вношу на утверждение Верховного Совета СССР решения, связанные с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях страны.

и. о. Президента СССР Г. Янаев.

Подпись «и. о.» была начертана рукой, которая явно не слушалась своего хозяина... Это была единственная «живая» подпись Янаева, во все остальные документы подпись была просто впечатана на машинке или же там стояло: «ГКЧП» или «члены ГКЧП».

Где-то в это же время позвонил Егор Яковлев¹⁷, тогда главный редактор газеты «Московские новости», с сегодняшнего дня закрытой ГКЧП. Как я уже писал, мы с ним долгое время вместе работали в «Известиях», хорошо знаем друг друга. Он сообщил, что большая группа редакторов «приостановленных» газет решила срочно создать некую новую общую газету, что Полторанин¹⁸ (тогда председатель Комитета по печати РСФСР) их поддержал, каково мое мнение? Я ответил, что, безусловно, газету надо создавать, а главное, выпустить ее в свет как можно быстрее. Так рождалась «Общая газета», благополучно здравствующая до сих пор.

К концу дня поток посетителей нарастал, сам я уже охрип от телефонных разговоров. Депутаты шли целыми группами, многие прервали отпуска, и я в сотый раз отвечал на вопросы о здоровье Горбачева и о том, когда будет сессия или съезд. Кто-то в очередной раз возвратился от «Белого дома» и рассказывал о баррикадах, о танках, перешедших на сторону защитников, об указе Б. Н. Ельцина. Звонил Э. А. Шеварднадзе, сказал, что он тоже пойдет к зданию ВС РСФСР, звонил А. Н. Яковлев, сообщил, что все в порядке, Ельцин прислал ему охрану и он договаривается с Г. Х. Поповым, чтобы завтра, 20-го, провести митинг на площади у Моссовета, нынешней мэрии. Стремительно, как он двигался всегда, ворвался в кабинет Сергей Сергеевич Алексеев, председатель Комитета конституционного надзора СССР, вручил мне заявление членов комитета, подписанное самим Алексеевым, С. Босхоловым, С. Мирзоевым, М. Пискотиным, В. Филимоновым — известными, уважаемыми юристами. Заявление содержало жесткую оценку происходящего и обращение к Верховному Совету СССР с четкими запросами:

«а) Имеются ли достаточные и надлежащим образом подтвержденные данные о том, что М. С. Горбачев действительно не может далее исполнять по состоянию здоровья обязанности Президента СССР;

б) намерен ли Верховный Совет рассматривать вопрос об утверждении указа Янаева о введении в отдельных местностях чрезвычайного положе-

ния, имея в виду, что Закон “О правовом режиме чрезвычайного положения” не предусматривает таких мер, как создание ГКЧП и наделение его функциями высшего органа государственной власти СССР (здесь и далее в документе подчеркнуто мною. — Авт.).

Комитет конституционного надзора, видимо, уже оценивая логику действий ГКЧП, напоминал нам, что по Конституции и по упомянутому выше закону чрезвычайное положение во всей стране может быть введено только Верховным Советом СССР!»

Это был серьезный и важный документ.

В свою очередь, я ознакомил С. С. Алексеева с телеграммой Г. Янаева в адрес президентов, председателей Верховных Советов республик, председателей краевых, областных Советов народных депутатов. Вот она:

Направляю документы Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Прошу распространить их и неуклонно исполнять всем органам власти, должностным лицам и гражданам на всей территории страны.

Вице-президент СССР Г. Янаев

19 августа 1991 г.

Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что такое послание очень уязвимо с точки зрения закона, так как предписывает выполнять распоряжения незаконного, никем не утвержденного органа.

Домой я отправился, только узнав, что Лукьянов тоже уезжает. Вызвал машину, сбежал по лестнице вниз, увидел, что в нише у 19-го подъезда стоит ЗИЛ Лукьянова, сам он явно просматривался в салоне машины, но попытки выйти не сделал. Я помахал ему рукой, он ответил тем же. Черная неуклюжая громадина медленно сдвинулась с места, поворачивая на выезд через Боровицкие ворота. В ту же секунду на краю Ивановской площади с визгом развернулся второй ЗИЛ и занял место сопровождения: сзади и чуть справа.

«Ого! — подумал я, — лукьяновские-то акции, оказывается, на самом верху!»

Дело в том, что ЗИЛ сопровождения ходил только за президентом СССР, все остальные граждане — члены Политбюро, председатели и иная охраняемая публика — на «хвост» больше «Волги» со спецдвигателем не претендовали.

Времени было около 23 часов.

На улицах спокойно и многолюдно, хотя чрезвычайное положение в Москве уже объявлено указом «и. о. президента». Грамотеи, обслуживающие ГКЧП, видимо, не утруждали себя поиском убедительных формулировок:

В связи с обострением обстановки в г. Москве... вызванным невыполнением Постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 г., попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 (3) Конституции СССР постановляю:

Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

Командантом города Москвы назначить... генерал-полковника Калинина Н. В., который наделяется...

Исполняющий обязанности Президента Союза ССР Г. Янаев

Москва, Кремль

19 августа 1991 г.

№ Ук-2437

Вот так. 19-го выступили с заявлением, 19-го приняли постановление № 1, 19-го убедились в «попытках» и «фактах», 19-го же сочинили этот указ. Жаль, что на документах не проставлено точное время, убежден, что оно было бы одинаковым и для постановлений ГКЧП и для указов Янаева.

Москвичи не обратили на грозные приказы ни малейшего внимания. Мы проехали по набережным, где стояло особенно много бронетехники — экипажи сидели на броне. За день машины прокалились так, что от них веяло жарой, многие солдаты разделись до пояса, заигрывали с девчонками, кое-где пытались «развернуть агитацию в войсках» союзные и российские депутаты. Москвички постарше несли солдатам кто молока, кто лимонаду, кто просто водички. Потом стало известно, что и водочку приносили тоже, но командиры за этим будто бы строго следили. Если бы не эти танки и солдаты на броне, августовский вечер 19-го ничем бы не отличался от любого другого теплого летнего вечера.

Между тем именно в этот вечер решалась судьба этого пресловутого путча и добро бы только его. Уже прошла знаменитая пресс-конференция Янаева и компаний, уже Борис Ельцин подписал указ о переводе подразделений МВД, КГБ и армии, расположенных на территории России, в свое подчинение. Уже начался раскол в рядах самих путчистов. Момент, когда надо было принимать принципиальные решения — или применять силу или отступать, они, слава богу, упустили. Янаев так ни на что и не решился. Думаю, что этим он спас себя, своих подельников и жизни многих — многих ни в чем не повинных людей, которым, как всегда, пришлось бы расплачиваться собственными головами, повернувшись события иначе. Впрочем, об этом уже много написано.

Понимали ли это сами заговорщики? Во всяком случае, то, что все их планы идут наперекосяк, не могли не понимать. Кое-кто из них погрузился в привычный пьяный угар, кто-то пытался

надавить на Янаева. К Лукьянину это не относилось. Он вел свою собственную, тонко рассчитанную игру, надеясь оставаться в выигрыше при любом исходе. Наверное, это обстоятельство можно считать определяющим для второго дня путча — 20 августа.

На работу я приехал совсем рано, не было еще и восьми часов. Впрочем, можно было с работы и не уезжать, ночь прошла без сна, дома тоже было много телефонов и разговоры продолжались до утра.

Сразу же в кабинете снова начали «кучковаться» народные депутаты, которые пришли с твердым намерением добиться встречи с Лукьянином. Рассказывали, как прошла ночь у «Белого дома». Уже после 24 часов туда приезжал Э. А. Шеварднадзе, это очень подбодрило дежурившую на баррикадах молодежь. Ельцин из здания не выезжал, вокруг него была масса народа. Но уже с утра начинали говорить, что вечером возможен штурм. Я попросил собравшихся, чтобы членов Верховного Совета — военных они направляли ко мне для консультации. И занялся бумагами, так как уже принесли проекты решений предстоящего заседания Президиума нашего парламента.

Проекты эти были любопытны как образчик бюрократической тонкости, за которой, однако, скрывалась принципиальная позиция. Вот один из этих проектов:

Постановление

Президиума Верховного Совета СССР

О внесении на утверждение Верховного Совета СССР решений о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Внести на утверждение Верховного Совета СССР решения, связанные с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР.

Председатель

Верховного Совета ССР.

Я правлю текст проекта. Заменяю слова «утверждение» словами «рассмотрение», а «решения» (чьи?) — словами «вопросы, связанные с введением». Возвращаю проекты документов в секретариат. Через несколько минут приносят новый вариант: правка моя не принята, но добавлен еще один пункт:

«2. Поручить Комитетам Верховного Совета СССР по государственному строительству, по законодательству и правопорядку, по делам обороны и безопасности в трехдневный срок подготовить заключения по решениям, связанным с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР».

То есть опять — решения должны быть утверждены. А уж после утверждения пусть комитеты готовят свои заключения. И глав-

ное: снова решения как бы «соткались из воздуха» — властного субъекта, их принял, Верховный Совет своим вниманием не удостаивает.

Возвращаю с возражениями и этот проект. Приносят еще один.

Об обстановке в стране

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Принять к сведению сообщение вице-президента СССР тов. Янаева Г. И. о ситуации, сложившейся в стране, и причинах, вызвавших принятие решений о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР.

Председатель Верховного Совета СССР.

Замысел все больше выявляется. После вчерашней пресс-конференции Янаева нельзя выпускать на трибуну Верховного Совета, он не добьется поддержки даже самых управляемых депутатов, все его объяснения будут просто разбиты и осмеяны. Кроме того, на сессию обязательно придут депутаты — не члены Верховного Совета, по регламенту они хотя и не голосуют, но выступать имеют право. В Президиуме же, считает, видимо, Лукьянов, он царит полностью и проведет любое решение. Кроме того, этим решением Президиум будет «повязан» и на сессии объясняться будет не один председатель, а весь Президиум. Да может быть, и сессию в этом случае не надо собирать...

Звоню Н. Ф. Рубцову, добросовестнейшему работяге, буквально сутками сидевшему в своем кабинете, но полностью подмятому Лукьяновым, устраиваю скандал. Вскоре прибывает новый проект.

Президиум Верховного Совета постановляет:

1. Внести на рассмотрение Верховного Совета СССР предложение о включении в повестку дня внеочередной сессии следующего вопроса:

Об обстановке в стране и решениях, связанных с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР (доклад тов. Янаева Г. И.).

2. Открыть сессию 26 августа с. г. в 10 часов утра. Рассмотрение вопроса, включенного в повестку дня сессии, провести на совместных заседаниях палат.

Тем временем депутаты, два дня толкавшиеся в кабинетах и коридорах Верховного Совета, добились встречи с Лукьяновым.

Участник этой встречи, бывший корреспондент «Известий» в Якутии, народный депутат СССР от Якутского городского национально-территориального округа № 690 О. П. Бородин, рассказывал потом:

«Мы ставили перед Лукьяновым два вопроса:

Во-первых, признать действия ГКЧП незаконными, во-вторых, немедленно созвать сессию Верховного Совета СССР. Лукьянов уходил от прямых ответов и даже пытался в какой-то мере обосновать действия ГКЧП, ссылаясь на сложную ситуацию в стране и письма трудящихся.

Сказал, что якобы 13 августа разговаривал с Горбачевым и тот жаловался на давление и сердце. Лукьянин заявил, что читал медицинское заключение об ухудшении здоровья Горбачева и что такое заключение у него есть.

Депутаты стали говорить, что народ требует, чтобы это заключение было опубликовано, народ хочет знать, что с Президентом страны. Лукьянин отрезал, что он не позволит говорить от имени народа...»

Трясины лжи, созданная самими членами ГКЧП, засасывала их все глубже. Приходилось лавировать, увиливать от общения с депутатами и придумывать все новую ложь.

Во второй половине дня к Лукьянину приехала российская делегация — вице-президент России А. В. Руцкой, председатель российского парламента Р. И. Хасбулатов, председатель Совета Министров И. С. Силаев. Они потребовали, собственно, того же, что требовали все: немедленно собрать Президиум Верховного Совета СССР, принять решение о противоправности действий ГКЧП и срочно созывать сессию Верховного Совета. Лукьянин то убеждал их в том, что они неправильно оценивают ГКЧП, то упрекал в неправильном поведении, повторяя, что Горбачев заболел, тяжело заболел, возможно, безнадежно.

Да, лихая участь готовилась президенту СССР.

Я и сейчас не могу убедительно объяснить ни себе, ни другим, почему А. И. Лукьянин избрал такую линию поведения

<...>

После избрания меня Председателем Совета Союза Верховного Совета мы вообще работали рука об руку, стараясь поддерживать и страховывать друг друга. И хотя здесь я обнаружил еще одну сторону таланта Анатолия Ивановича — его выдающееся владение аппаратной интригой, умение разобщить и столкнуть людей, взаимодействие которых ему не нравилось, мне все равно казалось, что уж в наших-то отношениях царит полная доверительность. Этого убеждения не поколебала даже «черная кошка» конфликта из-за кадровых перемен в редакции «Известий», курировать которую было поручено мне, но о переменах в которой, произведенных Лукьянином, я узнал только от самих газетчиков. Но этот случай, конечно же, был сущей ерундой на фоне трагедии, затрагивающей судьбы всей страны. До сих пор считаю, что он никак не мог побудить Лукьяннова к скрытности и ко лжи в глаза.

Во-вторых, с М. С. Горбачевым. Если меня Лукьянин знал лет десять, то с Горбачевым-то они знакомы были, кажется, всю жизнь. Опытнейший аппаратчик, Лукьянин никогда не афишировал этого знакомства — о том, что они учились в одно время и на одном факультете МГУ, мы узнали только после того, как Михаил Сергеевич стал секретарем ЦК КПСС

<...>

Естественно, что будущий президент СССР, переехав на работу в Москву, должен был опираться, прежде всего, на Лукьянова. Стоило Михаилу Сергеевичу более-менее утвердиться в руководстве КПСС, он двинул однокашника на пост первого заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС — это был один из ключевых постов в партийном аппарате

<...> Действительно, Лукьянов стал заведующим общим отделом сразу же, как только Горбачева избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС. Теперь он уже сам регулировал доступ к Горбачеву и людей, и информации, получив громадное влияние на политику ЦК КПСС, а значит, и на жизнь страны. Но его восхождение к партийной власти на этом не закончилось: в 1987 году его избирают секретарем ЦК, а затем и кандидатом в члены Политбюро.

Но если сказать только это, значит, ничего не сказать. Горбачев сделал Лукьянова руководителем отдела административных органов ЦК КПСС, что означало контроль над всеми, как теперь говорят, силовыми структурами СССР, над юстицией и судом. Пост этот был настолько важен, что ни один генсек не выпускал его из-под своего непосредственного кураторства, назначая на адмомдел обычного заведующего и никогда — секретаря. Данный факт показывает меру доверия Горбачева Лукьянову.

Дальше последовало то, что все могли наблюдать по телевидению: Горбачев совмещает пост генсека с постом председателя Президиума Верховного Совета СССР, рекомендует Лукьянова своим первым заместителем, то есть на практике полностью поручает ему всю систему Советов. Именно Лукьянов стоял у истоков рождения «президентского государства — СССР». И не зря. После избрания Горбачева президентом тот уверенно проводит Лукьянова на место председателя Верховного Совета. Заметьте: не президиума, а Верховного Совета. Карьера небывалая. Но, очевидно, есть сермяжная правда в словах о том, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

А день 20 августа шел своим чередом и не было ему дела до наших мелких и крупных катастроф. Где-то около 16 часов я поехал на Зубовскую площадь, 4, где была оборудована телестудия «ТВ-Новости», имевшая выход на зарубежное телевидение, — наше, как известно, в эти дни услаждало взоры и слух соотечественников «Лебединым озером». Интервью брал у меня Вячеслав Костиков, которого позже Россия узнала как пресс-секретаря Бориса Ельцина. Думаю, что это интервью хорошо показывает, сколь малой информацией мы располагали.

Вопрос. Что сейчас происходит в Кремле, вы только что оттуда, какое настроение и как лично вы оцениваете ситуацию, сложившуюся с введением чрезвычайного положения? Я так называю эти события, хотя хочется назвать их другими словами.

Ответ. Естественно, что нас, как законодательную власть, интересуют, прежде всего, правовая основа, правовая оценка событий. Если говорить начистоту, — я высказываю, конечно, свою личную точку зрения, — здесь мы имеем дело с незаконным, неконституционным действием, с полным нарушением именно тех статей Конституции ССР и закона о чрезвычайном положении, на которые ссылаются члены ГКЧП.

Дело в том, что Верховный Совет никуда не исчезал. Он мог собраться в любую минуту. Можно было собраться в течение одного-двух дней. И можно было совершенно законным путем поставить перед Верховным Советом вопрос о том, что президент по каким-то причинам не может исполнять свои функции.

Сейчас же у нас получилась ситуация, что мы даже не имеем перехода власти из рук в руки. Ведь в любой стране, если вице-президент смениет президента, он должен принести присягу, и только после присяги его указы или акты приобретают нормативную силу.

Вопрос. А может, это определяется тем, что просто удобна такая форма — чрезвычайное положение?

Ответ. Какая тут форма — все наоборот! Сначала издается указ — я-де вступаю в должность президента, затем объявляется чрезвычайное положение, формируется ГКЧП. Еще раз хочу повторить, что считаю это действие незаконным, неконституционным и надеюсь на то, что Верховный Совет выскажет об этом с полной определенностью.

Вопрос. Что же так торопило, что побуждало к таким экстраординарным решениям?

Ответ. У нас впереди было только одно событие, которого, впрочем, ждал весь мир и ждал советский народ, а именно — подписание Союзного договора. Ничего более чрезвычайного впереди не было. Этой акцией определенные силы сорвали подписание Союзного договора, к которому мы шли два года с таким трудом, с таким напряжением.

Вопрос. Нежелание подписывать Союзный договор, видимо, — главная побудительная причина. Но кто за этим? Вы сказали «определенные силы». Это странная формула, которая всегда нас очень будоражит.

Ответ. Вы сами можете ответить на этот вопрос, если посмотрите на состав ГКЧП. Вы увидите, что он чуть ли не на половину состоит из представителей военно-промышленного комплекса и людей, в той или иной мере причастных к этой сфере. Вы знаете также, что ВПК занимает в нашей экономике непомерно большое место — в некоторых республиках половину, а то и больше всей промышленности. Началась конверсия, началось разоружение, то есть определенные подвижки в военно-промышленном комплексе, который привык к безотказной даче всех и всяких материалов, к особым условиям работы и, естественно, расставаться с этим не хочет.

Есть и другая сила, я тоже назову ее с полной определенностью. Мне кажется, что здесь не последнюю роль сыграли страхи, которые испытывает КПСС, ранее правящая, а сейчас наиболее сильная политическая партия, в связи с подписанием Союзного договора.

Вопрос. Вы верите словам Янаева о возвращении М. С. Горбачева и продолжении совместной работы?

Ответ. Я должен сказать, что вчерашняя пресс-конференция, на которой выступали члены ГКЧП, произвела на меня угнетающее и отталкивающее впечатление. Я, как журналист, как политический деятель, конечно, встречал всякую ложь. Но редко бывает ложь такого масштаба и такой неприкрытии. Я-то знал, что накануне вечером, 18 числа, мои знакомые беседовали с Горбачевым, который находился в очень хорошем, нормальном состоянии. Обсуждал, как будет организовано подписание Союзного договора, был полон уверенности, что сегодня, 20-го, это подписание состоится.

А потом, кто поставил диагноз его здоровью? Павлов, Янаев? Я таких врачей не знаю. Вчера сказали, что организм у М. С. Горбачева подизнosiлся. Ну, знаете, если на таком уровне будут даваться объяснения, если на таком уровне будут приниматься решения этим комитетом, то мы уж точно попадем в суперчрезвычайную ситуацию, в ситуацию гражданской войны, в ситуацию полного разрыва и деградации страны.

Вопрос. Вы обратили внимание, вчера я задал вопрос о том, когда мы сможем увидеть Михаила Сергеевича. И получил ответ: как только по-правится. Если следовать такой логике, то процесс выздоровления может затянуться надолго, а может пройти и очень быстро. Как вы считаете, Михаил Сергеевич сейчас находится в Москве или на юге?

Ответ. Сегодня я получил несколько противоречивых сообщений на этот счет. Рано утром сообщили, что ночью в Москве приземлились три военно-транспортных самолета и на одном из них Горбачева привезли в Москву. Затем поступило опровержение. Вы понимаете, что и сообщение, и опровержение — это неофициальная информация, и я прошу вас и телезрителей принять ее именно как неофициальную. После пришло еще одно известие: он в Крыму, но не на даче, с дачи его вывезли на военный корабль. Потом опять опровержение. Прибежал один аналитик и заявил, что если судить по действиям его ближайшего окружения и некоторым сигналам, которые оттуда поступают, то он в Москве. Не могу судить. Мы же не знаем, в каком он сейчас состоянии, приехал ли сам, привезен ли насильно. Я думаю, каждый из нас может быть уверен в одном: если бы президент страны прибыл сам, он сейчас был бы на работе, и мы бы все знали об этом.

Когда я возвращался на работу, в машину позвонил Э. Сагалаев¹⁹, спросил, можно ли это интервью запустить по внутреннему радио «Белого дома». Я ответил, что, конечно, можно. В конце дня оно там звучало несколько раз. Потом пришло сообщение, что «телевизионная служба АПН направила за рубеж десятки репортажей о событиях в Москве 19–21 августа, интервью с тт. Лаптевым, Яковлевым, Шеварднадзе, Хасбулатовым, Поповым, Ростроповичем» — все эти материалы вошли в документальную программу «Преображение».

Уже поздно вечером пришел депутат Валерий Николаевич Очиров²⁰, летчик, Герой Советского Союза, замечательный па-

рень. Позже он сойдется в борьбе за кресло президента Калмыкии с Кирсаном Илюмжиновым²¹ и проиграет, потому что финансовых ресурсов у него было, безусловно, поменьше, а совести, думаю, побольше — предвыборные обещания он давал сдержанно. Пока же он работал помощником у маршала авиации, в скором будущем министра обороны СССР Е. И. Шапошникова²² и заходил ко мне часто, хотя был членом Совета Национальностей.

Он был очень взволнован, рассказал, что в Кубинке «сидят» две вертолетных группы. Мы посоветовались о том, как бы оставить их и дальше там «сидеть», не допустить вылета к «Белому дому». Грустно заметил, что и армия, и командование совершенно дезориентированы, никто не понимает, что происходит, люди, привыкшие к приказам, близки к психологическому срыву. Помолчал и, понизив голов, выдал:

— Иван Дмитриевич, сегодня ночью будет кровь.

Как я ни пытался выяснить, что он имеет в виду — штурм, провокацию, какое-то самодеятельное выступление вооруженных людей, — больше Валерий Николаевич не сказал ничего. Попрощался и ушел.

Здание Верховного Совета СССР было уже практически пустым. Нишанов уехал, потом мне сказали, что и Лукьянин отправился на дачу. Многочисленный отряд наших чиновников как-то рассеялся в никуда, только дежурные секретари и помощники уныло дожидались, когда я тоже уеду. В этот момент мне вдруг показалось, что все происходящее происходит как бы не по-настоящему, притворством веяло и от путча, и от документов ГКЧП, и в шуме вокруг этого начинали звучать фальшивые ноты. Но ведь вот же они, танки, бронетранспортеры, их-то призрачными никак не сочтешь. По Ивановской площади ударили мерный солдатский шаг. До этого я ни разу не видел наших охранников в камуфляже. Да и они ли это идут? Спросить было уже некого. Телефоны молчали. Я поочередно проверил их — связь работала.

Дома обстановка была не лучше. Дочь уже сутки дежурила на баррикадах у «Белого дома». Жена оставила записку, что уезжает на электричке на дачу. Я позвонил туда, доехала благополучно, Лукьяниновы тоже там, гуляют, к нам не заходили...

Глава 12

Факир был пьян, и фокус не удался

Не помню, где и когда слышал я эту поговорку о пьяном факире, вознамерившемся манипулировать коброй. Фокус не удался, оскорбленная кобра укусила факира.

Попытку путча тоже можно представить как неудачную демонстрацию некоего фокуса, а уж пьянства-то у «факиров» хватало. Но утром 21 августа, думаю,протрезвили все.

Ночь опять выдалась почти бессонной, и в 6 часов я включил всегда путешествующий со мной маленький, но очень мощный, радиоприемник — подарок фирмы «Сони», тогда почти постоянно настроенный на волну радио «Свобода». В начале каждого часа традиционно передавались (и передаются) новости, первой среди них шло сообщение о гибели трех человек в туннеле, на пересечении Садового кольца и Калининского проспекта. Кровь пролилась, путч вступил в новую fazu. Впервые стало действительно страшно, ибо логика любого кровопролития беспощадна, она неминуемо ведет к новой крови.

В десять часов нас с Нишановым вызвал Лукьянов, на 15 часов было назначено заседание Президиума Верховного Совета СССР, ему надо было договориться о том, как вести Президиум. Но вместо этого он стал говорить, что вот теперь «их» авантюра окончательно провалилась, что сейчас он будет требовать, чтобы ему дали самолет, он полетит за Горбачевым, забыв, что еще день назад убеждал всех в болезнях президента. В этот момент ему кто-то позвонил через спецкоммутатор, мы с Нишановым вышли — существовало неписаное, а может быть, и писаное, правило, что при разговорах по первой «вертушке» и тем более по «СК» в кабинете хозяин должен оставаться один. Потоптались в приемной, разговор, видимо, затягивался, отправились в свои кабинеты. Минут через сорок Лукьянов вызвал нас снова и уже вполне определенно сказал, что сейчас уезжает в Министерство обороны, что там он потребует самолет, добьется этого и привезет Горбачева. А заседание Президиума должны провести мы с Рафиком Нишановичем. Он с таким нажимом и такой решительностью говорил об этом самолете, что я в очередной раз ему поверил. Вернувшись к себе, я снял трубку прямой связи и сказал Лукьянову:

— Анатолий, если ты привезешь Горбачева, страна тебе поклонится за это. Иначе ситуация выходит из-под контроля и ГКЧП, и Ельцина.

— Ну, ты же меня знаешь, — ответил он. — Конечно, я все сделаю.

Его-то я знал, во всяком случае, думал, что знал. Не знал я другого. Что в это время члены ГКЧП уже собрались в Министерстве обороны, что ночью Язов уже остановил движение войск, что всякие спецгруппы отказались штурмовать «Белый дом», что Крючков уже позвонил Лукьянову, и никому не надо ни просить,

ни требовать самолет, он уже готов, и заговорщики отталкивают друг друга локтями в борьбе за то, кому лететь в Крым.

В 14 часов 15 минут самолет президента СССР, на борту которого находились Язов, Бакланов, Тизяков, Лукьянин и Ивашко, поднялся в воздух.

Лукьянин «обаял» не только нас. В 13 часов он позвонил Егору Яковлеву, которому сообщил, что Горбачева незаконно удерживают в Крыму, что он полетит к нему во что бы то ни стало, даже если его «там прикончат», ибо «не может не поехать к человеку, с которым его связывали 40 лет»*.

В 15 часов мы с Нишановым открыли заседание Президиума Верховного Совета СССР, договорившись предварительно, что по-председательствую я. Впрочем, об этом просил меня и Лукьянин.

Зал Президиума был набит до отказа, пришли депутаты, ранее вообще не проявлявшие интереса к такого рода заседаниям, тем более, что телесъемок на них не велось. Я предложил почтить память безвинно погибших минувшей ночью трех молодых парней. Постояли положенную минуту. Затем мы, два председателя палат, внесли предложение: больших прений не открывать, все равно скоро сессия, тем более что возникли некоторые новые обстоятельства. Лукьянин улетел в Крым, вернется ночью или завтра утром, надеемся, что не один. Далее я сказал (цитирую по своим записям):

— Этой встрече предшествовали наши с Рафиком Нишановичем переговоры с республиками, с краями и областями, с общественными организациями. Позиция практически у всех одна: Верховный Совет должен проявить себя как гарант законности, должен встать на защиту законного президента, досконально разобраться с возникшей ситуацией. Только с учетом этих мнений, можно сказать, всей страны должны мы рассматривать вопросы и о полномочиях и. о. президента, и о правовых и неправовых основах создания ГКЧП. Без Горбачева мы никаких решений, надеюсь, принимать не будем.

В такой позиции нас поддерживают, прежде всего, республики. Вчера Руцкой, Силаев и Хасбулатов по поручению Верховного Совета РСФСР, выполняющего в эти дни исключительную роль, потребовали признать ГКЧП незаконным и освободить Горбачева. В защиту президента СССР категорически выступил Нурсултан Назарбаев, об этом же со всей определенностью сказал нам председатель Верховного Совета Белоруссии товарищ Дементей²³.

* Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. Версия следствия. М., 1992. С. 188.

Не признал ГКЧП и вчера же сильно ужесточил свою позицию по отношению к нему Леонид Макарович Кравчук. Все звонки и разговоры я перечислить не смогу, но все наши собеседники требовали, прежде всего, одного: народ должен знать, где президент СССР и что с ним.

Сегодня, как нам стало известно, состоялись коллегии Минобороны, МВД. Про КГБ, к сожалению, никаких сведений нет. Анатолий Иванович Лукьянов поехал на коллегию к военным, чтобы, как он нам сказал, потребовать вывода войск за пределы Москвы и самолет для полета в Форос. Несколько депутатов сообщили, что войска действительно уже выводятся.

Мы с Нишановым не можем вам сказать, как будут развиваться события дальше, мы этого просто не знаем. Но ясно одно, и мы просим здесь вашей поддержки, — в создавшихся условиях Верховный Совет СССР, его Президиум обязаны проявить себя действительно как защитники закона и законности, защитники перед кем бы то ни было.

К сожалению, нас до сих пор не воспринимали в таком качестве. Иначе мы не оказались бы заложниками кем-то принятых решений. Иначе наша страна не уподобилась бы банановой республике, в которой каждый сержант может совершить свой переворот. А наши сыновья не были бы вынуждены вместо исполнения своего долга защиты Родины вступать в ненужные, бессмысленные и, к сожалению, смертельные стычки с гражданскими людьми.

Но и теперь еще Верховный Совет СССР может и обязан проявить себя. И каждый народный депутат вновь может стать такой же надеждой демократии и правопорядка, какой нас видела страна на первом нашем съезде. Для этого надо лишь одно: не идти на поводу у лжи, недоговорок, всякого рода рассуждений о целесообразности незаконных действий, не заглядывать в глаза начальству, а почаше спрашивать свою совесть, проявлять свою личную ответственность. Только при таком условии мы сможем проявить себя решительной и влиятельной законодательной властью. В ней нуждается страна. Может быть, так, как никогда раньше.

Как и ожидалось, мы попали под огонь жесточайшей критики. Нас упрекали в том, что Президиум собрали поздно, что Президиума, как такового, вообще нет, кто посмел его отстранить от исполнения своей роли, почему мы не созываем срочно сессию Верховного Совета. Были и голоса о том, что мы все в ответе за путч, что мы вместе шли к этому, что мы вообще «не мужики», как заявил известный писатель депутат Алекс Адамович²⁴...

Но главным все-таки было принять два документа: утвердить срок созыва сессии, так полагалось по закону, и как-то выразить

официальным образом свое отношение к происходящему. Сошлись на том, что надо принять Заявление, я его тут же набросал, стал зачитывать, депутаты с голоса вносили свои поправки. Думаю, что это Заявление хоть в какой-то мере помогло Верховному Совету СССР сохранить лицо.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР считает несостоятельными и явно фальсифицированными объявленные ГКЧП СССР причины отстранения Президента СССР Горбачева М. С. от исполнения своих конституционных обязанностей и квалифицирует действия ГКЧП как антиконституционный, антисоветский, антинародный переворот.

Президиум Верховного Совета СССР, являющийся в периоды между съездами народных депутатов СССР и сессиями Верховного Совета СССР высшим гарантом законности в стране, категорически требует безусловного прекращения насильственных действий в отношении Президента СССР, незамедлительного возвращения Горбачева М. С. в Москву и его прямого выступления перед Верховным Советом СССР и народом.

Президиум Верховного Совета СССР считает указы вице-президента СССР Янаева Г. И., а значит, и образование ГКЧП СССР, его постановления и действия, не соответствующими Конституции СССР, незаконными, требует их немедленной отмены и вносит на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР вопрос об ответственности инициаторов антиконституционного переворота и разработке мер, исключающих повторение подобных действий.

Президиум Верховного Совета СССР.

Президиум поручил нам с Нишановым срочно выступить по Центральному телевидению, зачитать и прокомментировать это Заявление. Мы немедленно помчались в телецентр, руководитель «Останкино» Л. П. Кравченко сам встретил нас на входе, мгновенно организовал прямой эфир — мы были на экране уже в 17 часов — и оставался в студии все время нашего выступления.

Президиум принял также постановление об отстранении А. И. Лукьянова от ведения заседаний Президиума и сессии Верховного Совета СССР, поручив это председателям палат. Сессия пошла дальше и на первом же заседании 26 августа приостановила исполнение Лукьяновым обязанностей Председателя Верховного Совета СССР. Блистательная карьера остановилась.

Я не был на даче в Форосе, когда туда прилетели сначала гэ-качеписты с Лукьяновым и Ивашко, а затем российский самолет А. Руцкого и И. Силаева, на котором прибыла чуть ли не сотня человек, среди них Е. Примаков и В. Бакатин. Этот самолет с трудом приземлился на крымском аэропорту Бельбек, который удалось разблокировать только после восстановления связи для Горбаче-

ва — он приказал начальнику Генерального штаба М. Моисееву убрать с посадочной полосы выставленные там грузовики. Спецназ КГБ, который неизвестно кого ждал на аэродроме, тихо исчез. Но до этого российскому самолету пришлось изрядно поболтаться в воздухе, а приехавшие ранее Язов, Крючков, Бакланов, Тизяков, Лукьянин и Ивашко так и не пробились к президенту СССР. Только переговорив с Руцким, Силаевым, Примаковым и Бакатиным, Горбачев решил переговорить с Лукьяновым и Ивашко. По словам Примакова, Горбачев сказал Лукьянову, что он предатель, в резкой форме спросив его, почему тот не собрал Верховный Совет, не встал рядом с Ельциным? Лукьянин стал представлять дело так, что он чуть ли не организовал сопротивление ГКЧП. Горбачев, указав на дверь, оборвал его: «Иди посиди там. Тебе скажут, в каком самолете ты полетишь!»* Мне кажется, именно эта сцена объясняет, почему Михаил Сергеевич, прилетев в Москву, ни слова не скажет о Верховном Совете СССР, многократно обращаясь в адрес российского парламента.

Но это еще только будет. А пока мы весь вечер 21 августа неотрывно сидели у телеэкранов, ожидая сообщений о посадке самолета с президентом СССР. Это произошло уже поздним вечером, Горбачев спустился по трапу, одетый в какую-то светло-серую куртку, плотно окруженный охраной, помахал собравшимся рукой, вымученно улыбнулся. На следующий день, 22 августа, было опубликовано его Заявление для радио и телевидения страны. Он подчеркнул, что «полностью владеет ситуацией, восстановлена связь со страной, прерванная в результате авантюрных действий группы государственных лиц». Сказал, что имел «телефонные беседы с товарищами Ельциным, Назарбаевым, Кравчуком, Дементеем, Каримовым. Все они единодушно осудили попытку государственного переворота, сорванную в результате решительных действий демократических сил страны... Авантюристы понесут полную ответственность за свои противозаконные действия», что «в СССР будут продолжены качественно новые процессы, зародившиеся в ходе демократических преобразований». Президент все еще не понимал, что вернулся совсем не в ту страну, из которой уезжал в отпуск.

Он, думаю, почувствовал это уже через день, когда состоялась его встреча с Верховным Советом РСФСР. Не знаю кому как, но мне было стыдно за некоторых российских депутатов, многих из которых я, кстати, знал лично. Они орали на Горбачева, чуть ли не высказывая на подиум, где сидели Ельцин, Хасбулатов и стоял

* Цит. по: Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор... С. 188.

на трибуне президент СССР. До сих помню истощенные истерические вопли известной ленинградской тележурналистки, ведущей популярной передачи «Пятое колесо» Бэллы Курковой²⁵. Казалось, еще немногого, и она накинется на Горбачева с кулаками, хотя, что она кричала, в общем оре зала разобрать было невозможно. Сам Ельцин вел себя еще «лучше», с нескрываемым сладострастием унижая Горбачева. Принес ему на трибуну некую стенограмму заседания Кабинета министров СССР и заставил растерявшегося президента страны зачитывать выдержки из нее. Потом оказалось, что некоторые министры, выступления которых цитировались, вообще не были на этом заседании, но это уже никого не интересовало, «стенограмму» так и отправили в печать. «Черный пиар» делал свои первые шаги по российским структурам.

Кульминацией унижения, можно даже сказать, уничтожения Горбачева стало подписание Ельциным указа о приостановлении деятельности КПСС и национализации ее имущества. Горбачев пытался протестовать, он так и продолжал стоять на трибуне, призывал Ельцина действовать на основе закона, очевидно, имея в виду Конституцию, но Борис Николаевич медленно поднял над столом руку с авторучкой и демонстративно подписал указ. Народ в зале ревел от восторга.

Нас с Нишановым на эту встречу не пригласили, мы наблюдали происходящее по телевидению, трансляция была прямой. Наши попытки связаться с президентом СССР и 22, и 23 августа успеха не имели — спецкоммутатор отвечал, что сейчас «Михаил Сергеевич разговаривает с другим абонентом», обещал соединить, когда линия освободится, но не соединял.

Он сам позвонил мне 24 августа, в субботу. Послезавтра надо было открывать сессию Верховного Совета СССР, я работал над всякого рода бумагами, которых в нашем Отечестве к каждому совещанию, заседанию готовилось (и готовится) великое множество. Посоветоваться было не с кем, Лукьянов после возвращения из Крыма приезжал на работу как обычно, но из кабинета не выходил и никак себя не проявлял, безусловно, уже зная, что Президиум отстранил его от ведения сессии.

Горбачев звонил из машины, коротко поздоровался и сказал странную фразу:

— Ваня, с тобой все в порядке, ты вел себя правильно, можешь работать.

Это потом я сообразил, что какая-то группа людей вокруг Горбачева анализировала поведение всех членов руководства страны и докладывала президенту свои выводы. А пока я обрадованно завопил:

— Михаил Сергеевич, послезавтра же сессия открывается! Надо срочно переговорить.

— Сейчас у меня еще одно дело, а потом я тебе позвоню.

Дело оказалось необычным: в этот день М. С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС и призвал ЦК КПСС принять трудное, но честное решение о самороспуске. Учитывая принципы построения Коммунистической партии Советского Союза, это означало, что ее существование в прежнем виде завершилось.

Мы встретились около 15 часов в кабинете президента СССР, который теперь почти ежедневно видим на телекранах как кабинет президента Российской Федерации. Он почти не изменился...

Горбачев выглядел великолепно, как будто и не было этой кошмарной недели и недавней расправы с ним в Верховном Совете РСФСР. Крепко обругав путчистов, сказав, что опозорили страну на весь мир и всех насмешили, сразу подошел к делу:

— Ну что там у тебя? Постановление по съезду? Успеем ко второму? Постановление по Лукьяннову? Он где? Звонит мне постоянно, но я с ним встречаться не буду. Так, по правительству есть проект? Оставь мне, я потом тебе пришлю. По прокуратуре? Хорошо, тоже посмотрю. А ты посмотри и оформи проект по новым назначениям. Ну а эти комиссии, оценки ты смотри сам. Вот мерзавцы — ведь все приходится начинать сначала!

Не могу сказать, знал ли он, что «сначала» уже началось, но только совсем не в том направлении, куда мы устремляли свои мысли. 24 августа, наверное, в те же минуты, когда мы сидели с Горбачевым, обсуждая работу будущей сессии и съезда народных депутатов, в истории нашей страны произошло событие, значение которого для судеб СССР, убежден, в полной мере не оценивается и сегодня. Занятые московской тусовкой, «москоцентристы» по своему миросозерцанию, мы не очень внимательно отслеживали происходящее за пределами кольцевой автодороги и тем более за пределами России, хотя сама работа над Союзным договором должна была показывать, насколько политически изменилось то громадное многонациональное пространство, которое называлось союзными республиками.

<...>

События шли лавиной, но как-то обтекали Кремль.

В этот же день, 24 августа, Б. Ельцин заявляет о признании Россией независимости трех Прибалтийских республик.

Назавтра, 25 августа, провозглашает независимость Белоруссия.

27 августа в Молдавии собирается чрезвычайная сессия парламента — провозглашается независимость Республики Молдова.

30 августа Верховный Совет Азербайджана принимает декларацию о независимости своей республики.

31 августа независимость провозглашают Киргизия и Узбекистан.

21 сентября — референдум в Армении. Подавляющее большинство — за государственную независимость республики.

26 октября провозглашено независимое демократическое государство Туркменистан (по итогам референдума).

Дольше всех держится Казахстан. Только 16 декабря Верховный Совет республики принял закон о государственной независимости.

Что касается Грузии, то она выступила «пионером», если не считать, конечно, прибалтов, — еще 9 апреля она приняла декларацию о государственной независимости. Все оказались независимыми друг от друга вслед за Россией, которая 12 июня 1990 года приняла декларацию о государственном суверенитете РСФСР. От этой декларации до реального провозглашения независимости всеми республиками бывшего СССР, как видим, был всего лишь один шаг. Точнее, год. Как сказал бы спортивный комментатор, российская декларация о суверенитете прозвучала командой: «На старт!», а украинский акт о независимости — выстрелом стартового пистолета, хотя фальстарты случались и ранее.

Корабль под названием «Союз Советских Социалистических Республик» тонул. Но капитан оставался на мостике, его помощники все еще пытались прокладывать курс и запускать останавливающиеся машины. Именно эту картину напоминают мне нынче наши попытки представить состоявшуюся 26–31 августа 1991 года внеочередную сессию Верховного Совета СССР как организованное деловое совещание. «Экипаж» бунтовал, и вся страна наблюдала за этим бунтом.

Открыли сессию мы с Нишановым, как и было поручено Президиумом. Но поскольку хором в Президиумах еще пока не выступают, вести первое заседание пришлось опять мне. Я начал его следующим выступлением:

— Уважаемые коллеги! Уважаемый президент!

Мне выпала сегодня горькая и трудная задача — открыть эту чрезвычайную сессию высшего законодательного органа нашей страны.

Горькая — потому что я должен произнести слова открытия в дни, когда наши сердца все еще сжимаются от боли, причиненной всем нам настоящим политическим злодейством — антиконституционным, антнародным, антидемократическим переворотом. От него пострадала страна, пострадал наш народ, пострадала наша политика, пострадал наш президент. Но переворот взял с нас и вовсе невосполнимую, невозвратимую

дань — дань жизнями молодых людей, погибших безвинно, во имя правого дела. Они погибли и за нас. Почтим их светлую память!

Но почему же я говорю не только о горькой, но и трудной, по-особому трудной задаче открывать наше сегодняшнее заседание? Потому, что кроме горя и боли я испытываю и жгучее чувство стыда. Здесь, в центре великого государства, куча авантюристов нагло попирала надежды людей на закон и законность, на демократическое, свободное развитие, а мы — Верховный Совет страны, его Президиум — первые гаранты законности, творцы законов, сделали вид, что нас это касается мало, что защитники закона перед кем бы то ни было и от кого бы то ни было — это не мы или мы далеко не в первую очередь.

Я далек от того, чтобы упрекнуть кого-то из депутатов лично — я, наоборот, мог бы с гордостью рассказать о том, сколько из сидящих в этом зале вели себя честно и мужественно, выступили против путчистов решительно, твердо и здесь, в Москве, и в других местностях страны. Нет, я говорю именно о Верховном Совете как органе высшей власти, от которого страна, люди ждали твердого слова и решительных поступков. Если бы мы эти слова сказали, поступки совершили, то уверен, — сегодня это было бы одним из самых главных моментов консолидации и согласия в обществе. В том, что это было бы именно так, легко убедиться — достаточно обратить взор на окруженный народной любовью российский парламент, на мэрии Ленинграда и Москвы, на депутатов многих республиканских парламентов, многих Советов всех уровней.

На этой сессии мы должны проанализировать, почему так произошло, в чем истоки нашей инертности и равнодушия. Мы должны будем честно и прямо сказать себе и всей стране о своей ответственности за тех людей, которые ввергли ее в такую беду, ведь их подбирал не только президент, решающее слово в их утверждении на должности принадлежало нам. Мы должны будем выяснить, как это произошло, что, все больше и больше внимая речам о дружной коллективной работе, мы не заметили, как научились ходить строем и делали выбор личной позиции по выражению глаз председательствующего. Мы не обойдемся без ответа на вопрос, как это две палаты, вполне конституционно самостоятельные институты, стали всего лишь двумя половинками нашего парламента, как это в такой разноголосице мнений и подходов тем не менее восторжествовал одномерный подход и слишком часто устанавливалось единое мнение. Нам о многом надо поговорить и за многое спросить с себя.

Нам тяжело придется расплачиваться за три дня молчания, когда стонала и кричала вся страна и вся Москва, когда был в заточении президент, улицы городов превратились в танкодромы, а мы как бы ждали команды. Будем честными и не уклонимся от этой расплаты. Верховный Совет не только может, но и обязан вернуть себе утраченную высоту, стать вновь той же надеждой демократии и законности, каковой мы были 2,5 года назад. Для этого надо лишь одно — не идти на поводу соглашательства, а то и прямой лжи, не позволять ни себе, ни другим тех глубокомысленных недоговорок или ссылок на некую неведомую нам целесообразность, часто оказывающихся лишь давлением на депутатские позиции. Видимо, каждому из нас надо просто чаще спрашивать свою собственную совесть, проявлять большую активности и, простите меня, меньшее послушания.

Только так мы можем показать себя той решительной и влиятельной законодательной властью, в которой нуждаются народ и Отечество. Я глубоко верю: так и будет.

Позвольте мне этими словами сожаления, но и надежды объявить сессию открытой и призвать всех к той работе, которая не будет повторять уже сделанную за нас работу, а будет серьезным движением вперед — к преодолению наших ошибок, и тех еще не вполне осознанных нами социальных, экономических, нравственных потерь, которые понесла наша страна от путча.

Объявляю чрезвычайную сессию Верховного Совета СССР открытой.

Лукьяннов сидел в зале, Горбачев — за специально оборудованным президентским столом, чуть правее стола председательствующего. Первый вопрос — о внеочередном 5-м Съезде народных депутатов СССР решили без обсуждения — создать 2 сентября текущего года. Без особых дискуссий было принято и постановление персонально по Лукьяннову: «О приостановлении исполнения А. И. Лукьяновым обязанностей Председателя Верховного Совета СССР». Выступление самого Лукьяннова решили заслушать позже, он выйдет на трибуну только 28 августа. Тогда же решили рассмотреть и его заявление об отставке, которое он еще не подавал. Избрали редакционную комиссию во главе с депутатом В. И. Татарчуком, которой поручили готовить проект постановления о ситуации, возникшей в стране «в связи с имевшим место государственным переворотом». Заслушали выступление М. С. Горбачева, которое нельзя было назвать докладом и которое фактически ничего не добавило к тому, что мы уже знали. Но крику, конечно, было много.

Вели сессию мы с Рафиком Нишановичем поочередно — одно заседание он, другое я. Приходилось очень нелегко, мы не обладали лукьянновским опытом ведения больших форумов, умением «выдернуть» к микрофону нужного оратора и не заметить часами стоявших ненужных. В результате значительная часть двух первых дней работы ушла на бесконечные прения под лозунгом: если ему дали выступить, то выступлю и я. Вышедший из себя А. А. Собчак даже назвал эти прения попыткой сорвать подготовку к уже объявленному съезду, попыткой не дать Верховному Совету СССР внести свой вклад в стабилизацию ситуации в стране.

Между тем в стенах самого парламента наблюдалось явное неблагополучие — отсутствовали почти все депутаты от Украины. В каждом перерыве я пытался звонить по «СК» Л. М. Кравчуку и не мог его разыскать, хотя соединиться через эту систему связи можно было с любым пунктом страны, где есть хоть один телефонный аппарат. Потом это повторится еще раз, при формировании уже нового Верховного Совета. Наконец, уже 28 августа, я добился

связи и выяснил, что депутаты от Украины — члены Верховного Совета СССР не собираются ехать в Москву, что теперь новая ситуация и ее надо урегулировать межпарламентскими переговорами. Я вынужден был объявить об этом сессии и внес предложение срочно сформировать и направить в Киев делегацию Верховного Совета СССР. Это произвело эффект шока. Все понимали, что это значит: отсутствие украинских депутатов грозило распадом структуре, объективно оставшейся чуть ли не последней опорой разваливающегося Союза.

Делегацию сформировали оперативно — Ю. А. Рыжов²⁶, А. А. Собчак, двое членов Верховного Совета от Украины, всегда отстаивавшие необходимость работы в союзном парламенте и присутствовавшие на сессии, — С. М. Рябченко и Ю. Н. Щербак. В это же время была сформирована делегация российского парламента. Обе делегации немедленно отправились на аэродром, а мы приступили, наконец, к самым важным и острым вопросам.

Дали слово Лукьянину. У Горбачева заходили желваки на скullaх, он прислал мне записку с одной фразой: «Где его заявление об отставке?» Я только пожал плечами.

Лукьянин находился в труднейшем положении. С утра докладывал о работе своей комиссии В. И. Татарчук, зачитывал нам текст проекта постановления, в котором были такие слова:

«Президиум Верховного Совета СССР проявил в критический для страны момент бездеятельность, а Председатель Верховного Совета СССР — прямое попустительство группе заговорщиков, что выразилось в непринятии им необходимых решений по отношению к незаконному ГКЧП. Не было принято решение о немедленном созыве Президиума Верховного Совета СССР и сессии Верховного Совета СССР для рассмотрения сложившейся в стране ситуации. Этим фактически подтверждалась правомочность ГКЧП, что не может расцениваться иначе, как политическое соучастие в действиях заговорщиков».

После таких обвинений, которые часть депутатов требовала еще усилить, говорить или объяснить что-либо бесполезно. Видимо, поэтому председатель Верховного Совета СССР избрал другую тактику — о чем-то умолчать, где-то нажать, что-то исказить. Он сразу же категорически отверг все выдвинутые против него обвинения, потребовал их тщательного расследования и защиты своего человеческого достоинства, обращая внимание депутатов на то, что ни на одном документе ГКЧП нет его подписи, что его заявление о проекте Союзного договора было написано им 16 августа и отражает позиции, которые он никогда не скрывал. Из речи следовало, что это именно он, Анатолий

Иванович Лукьянов, не допустил в стране хаоса и беззакония и даже штурма «Белого дома». Он прилагал постоянные усилия для того, чтобы связаться с Горбачевым, 20 и 21 августа требовал самолет. А то, что сессию назначил на 26 августа, так это так в регламенте написано. Кроме того, этим он еще и спасал Верховный Совет, которому путчисты якобы угрожали разгоном, если депутаты не поддержат их действия. После этого он обрушился на членов ГКЧП, которые-де подняли волну недоверия народа к власти, коммунистам, кадрам правоохранительных, военных, хозяйственных органов.

Выступление звучало то в мертвой тишине, то прерывалось криками возмущения одной части зала и аплодисментами другой. А один из депутатов, Вавил Петрович Носов, захватив микрофон сразу же после лукьянинской речи, сравнил нашего председателя с М. И. Кутузовым и призвал низко поклониться ему за спасение государства. В. П. Носов, по-моему, с тех пор так и задержался в Москве, во всяком случае, он часто мелькает на митингах различных компартий, которых теперь уже и сосчитать трудно.

Выступление Лукьянова, уверенное и жесткое, тем не менее открывало истинную основу путча — приверженность к «имперскому» Союзу, к монополизированной власти, полное согласие спикера с группой «Союз», которую он, впрочем, сам и инициировал. Люди в зале почувствовали себя оскорбленными — не все, конечно. Выходило, что их целый год направлял и возглавлял ярый антидемократ.

Для меня речь бывшего приятеля была особенно тягостной. Я уже знал и про совещание ГКЧП 18 августа, и про требования самолета, и про оценки здоровья Горбачева. Редакция газеты «Известия» к этому времени уже располагала материалом о том, что и заявление председателя Верховного Совета было написано именно в ночь с 18 на 19 августа и сознательно подавалось в «едином пакете» с документами ГКЧП. Лукьянов долгое время категорически это опровергал.

<...>

В перерыве Лукьянов вручил мне, как председательствующему на этом заседании сессии, свое заявление об отставке. Заявление было датировано еще 23 августа. Все эти дни, понятно, для него бесконечно длинные, он носил его в своей черной кожаной папке, с которой, по-моему, и сегодня ходит, выражая прежнюю озабоченность великими делами, на заседания Государственной думы.

Все документы и показания, приведенные выше, будут известны позже, примерно через год. А пока Верховный Совет, «разогревшись» на Лукьянине, дает президенту согласие на освобождение

В. С. Павлова от обязанностей премьер-министра СССР. Встал вопрос о правительстве в целом.

Слово взяли один за другим два первых вице-премьера СССР В. Щербаков²⁷ и В. Догужиев²⁸. Выступили оба в целом убедительно, оба сумели уберечься от участия в путче. В зале начала складываться другая атмосфера: может быть, все правительство и не надо отправлять в отставку... Но в этот момент вмешался М. С. Горбачев. Он высказал свое мнение, что, если бы Кабинет министров выступил решительно против, заговорщики были бы парализованы. И вбил последний гвоздь: «Не ставлю вопрос о юридической ответственности, но я не могу доверять этому кабинету».

Постановление

Верховного Совета СССР

О недоверии Кабинету Министров СССР

Рассмотрев Указ Президента СССР от 24 августа 1991 года «О Кабинете министров СССР», в котором поставлен вопрос о доверии Кабинету министров СССР, в соответствии со статьей 130 Конституции СССР Верховный Совет СССР постановляет:

1. Выразить недоверие Кабинету министров СССР.

2. Впредь до образования нового состава Кабинета министров СССР для организации совместно с республиками оперативного управления народным хозяйством страны создать Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР во главе с тов. Силаевым И. С.

Верховный Совет СССР

Москва, Кремль

28 августа 1991 г.

Так было уволено последнее правительство СССР, правительство, которое и президент, и парламент с огромным трудом сформировали всего лишь в январе 1991 года.

Второй же пункт постановления вызвал совершенно неожиданную реакцию. Группа депутатов усмотрела в нем узурпацию союзной власти российским руководством. В общем-то их реакция была справедливой, но «поезд уже ушел», и ушел, как я постараюсь показать в одной из следующих глав, давно. А с учетом того, что путч нанес стране не только нокаутирующий политический удар, но и такой же силы удар экономический, было необходимо безотлагательно определить какой-то управляющий и координирующий орган союзной исполнительной власти. «Разборка» по этому вопросу закончилась тем, что депутат Сажи Умалатова²⁹ заявила о своем выходе из состава Верховного Совета СССР.

А следующий день поставил перед нами вопрос уже совсем другого масштаба. Открывая заседание, Р. Н. Нишанов (была его очередь председательствовать) сообщил, что делегация, которая

только вчера улетела в Киев, уже вернулась и привезла важное сообщение, о котором сейчас расскажет А. А. Собчак.

Собчак был краток. Он сказал, что участвовавшие в переговорах делегации России и Украины приняли коммюнике, в котором записали, что прежнего Союза нет и не будет. После этого он передал слово другому члену делегации, Ю. Н. Щербаку. Тот зачитал коммюнике. Начиналось оно вполне традиционно: поскольку, дескать, в связи с ликвидацией государственного переворота открылись новые возможности для демократических преобразований, стороны приняли согласованные решения по ряду вопросов — о формировании новых межреспубликанских структур на переходный период, о подготовке экономических соглашений между участниками бывшего Союза, о недопустимости решать военно-стратегические вопросы в одностороннем порядке, о приверженности подписанным ранее соглашениям относительно прав человека и территориальной целостности республик.

Впервые прозвучали слова «прежний Союз» и «бывший Союз». Наш Мраморный зал как будто вздрогнул под ударом невиданной исторической бури. Думаю, что депутаты впервые по-настоящему начали осознавать и роль путча как детонатора огромного социально-политического взрыва, и роль Верховного Совета СССР, одним махом превращенного в путника на исторической обочине. Большая политика явно делалась уже без нас.

Словно стремясь преодолеть некий комплекс неполноценности, возникший у них перед российскими депутатами, члены Верховного Совета СССР практически без обсуждения и практически единогласно (двою против) удовлетворили просьбу Генерального прокурора СССР Н. Трубина³⁰ дать санкцию на привлечение к уголовной ответственности и арест А. И. Лукьянова. Тут же с ходу сессия выразила недоверие и самой прокуратуре и отправила в отставку членов ее коллегии Васильева А. Д. — первого заместителя Генпрокурора СССР, Катусева А. Ф. — главного военного прокурора, Абрамова И. П. — заместителя Генерального прокурора. Последнего мне было особенно жаль, так во время моих занятий проблемами «отказников» в выезде из СССР именно с Иваном Павловичем мы без шума эти проблемы решали, открывая путь за рубеж десяткам и десяткам многие годы мордуемых соотечественников. Но попал, как говорится, под горячую руку, не уследил за происками КГБ.

Заявил о своей отставке и сам Генеральный прокурор СССР Н. Трубин.

Впрочем, и кадровые утверждения 29 августа тоже были. По представлению президента Верховный Совет назначил Ба-

катина В. В. председателем КГБ СССР, Шапошникова Е. И. — министром обороны СССР, Баранникова В. П.³¹ — главой МВД СССР. Силовые структуры без руководства оставлять было нельзя.

Все еще надеяясь, что как-то сумеем обуздить ситуацию, мы утвердили громадную повестку дня 5-го внеочередного Съезда народных депутатов СССР в таком виде:

1. О политической ситуации в стране и неотложных мерах по преодолению последствий государственного переворота (доклад президента СССР М. С. Горбачева);
2. О председателе Верховного Совета СССР;
3. О вице-президенте СССР;
4. О Декларации прав и свобод человека;
5. Об обращениях Литовской республики, Латвийской республики и Эстонской республики о признании их Деклараций о независимости;
6. Об обновлении состава Верховного Совета СССР;
7. О внесении изменений в Конституцию СССР и другие законодательные акты Союза ССР;
8. О Генеральном прокуроре СССР;
9. О председателе Мандатной комиссии Съезда народных депутатов СССР.

Как обычно, много спорили, добавляли и снимали вопросы. Сошлись на этих девяти. Образовали многочисленную комиссию по подготовке съезда. Дали согласие на включение в состав Совета безопасности СССР высших государственных должностных лиц (президентов, а там, где они не избраны, — председателей Верховных Советов) РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Узбекской ССР, Азербайджанской республики, Республики Киргизстан, Таджикской ССР, Туркменской ССР. Потом оказалось, что почти ничего из этого уже не нужно.

После своего выступления на сессии А. И. Лукьянов больше в зале не появлялся, оставался в своем кабинете. Я заходил к нему два или три раза и всегда находил в одной и той же позе: за рабочим столом, нахолившись и слегка откинувшись на спинку кресла, он смотрел куда-то в пространство, не реагируя на мое появление. Стол был непривычно пуст, обычно лукьянинский стол ломился от бумаг. На углу стола лежали две распухшие черные кожаные папки.

— Анатолий, — говорил я, — поезжай домой.

— Ничего, ничего, — бормотал он.

После того как Верховный Совет дал согласие на возбуждение уголовного дела и арест Лукьянова, в его кабинете был произведен обыск. Не думаю, чтобы там можно было что-то найти, как юрист, председатель Верховного Совета понимал обстановку раньше

и лучше следователей. Да и могло ли там вообще что-то быть, секретное делопроизводство в нашем аппарате было поставлено очень хорошо, документы ни в руках, ни в сейфах не задерживались дольше положенного срока. Потом кто-то сказал мне, что Лукьянин накануне не уезжал домой, ночевал в кабинете. После самоубийств министра внутренних дела Б. Пуго, управляющего делами ЦК КПСС Н. Кручинин³² и советника президента СССР по военным вопросам маршала С. Ахромеева³³ эта информация казалась весьма зловещей. Я оставался на работе, пока не узнал, что он вызывал машину и направился на дачу. Через несколько часов его там арестовал первый заместитель министра МВД России Виктор Ерин³⁴, снискавший потом себе сомнительную славу во время расстрела «Белого дома» уже в постсоветской России.

Глава 13 «Процесс пошел...» Но куда?

Ранее я уже писал, что Горбачев вернулся в другую страну — так охарактеризовала газета «Известия» суть и глубину перемен инициированных, а во многом только ускоренных августовским путчем. Конечно, Президенту было трудно с этим смириться. Он продолжал говорить о «социалистическом выборе», «Союзе Суверенных Государств» и тому подобное. Подчеркивал, что полностью владеет обстановкой.

Между тем ситуацией-то он как раз и не владел. Республики смотрели на своих лидеров и с некоторыми опасениями — на Б. Н. Ельцина. Горбачев, конечно, не мог этого не понимать. Он лихорадочно пытался создать себе новую команду, снова опереться на Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина. Он сформировал при себе некий консультативный комитет, в который включил как своих сторонников, так и яростных противников, в частности, туда входили А. А. Собчак, Г. Х. Попов, Ю. А. Рыжов, С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков. Комитет собирался у него три или четыре раза, но так и не смог найти ключ к новым решениям. Звезда нашего первого и последнего советского Президента входила во все более плотные слои атмосферы.

На мой взгляд, ярким светом этой звезды, снова удивившим многих из нас, может быть названа деятельность Горбачева по подготовке 5-го (и последнего) Съезда народных депутатов СССР и на самом съезде. Сил у президента оставалось все меньше, но тем активнее он искал возможности, как он говорил, переломить ситуацию. Несколько раз назначал он заседания Совета Федерации, то есть руководителей всех республик еще формально суще-

ствовавшего СССР. И не мог их собрать: отговаривались разными причинами, созывались друг с другом — и не приезжали. Были по отдельности встречи с Ельциным, с другими руководителями, но коллективную, согласованную позицию к съезду выработать не удавалось.

Только за день до открытия съезда, 1 сентября, в воскресенье, он все-таки собрал глав 11 республик или их представителей. Но партитуру этой встречи расписывал уже не Горбачев.

Нас с Нишановым все эти действия президента обходили как-то стороной. Созданная Верховным Советом комиссия по подготовке съезда работала буквально день и ночь — сложность подготовки документов, которым потом предстояло стать законами или постановлениями высшего органа государственной власти СССР, не требует комментариев. Председателем комиссии был Р. Н. Нишанов, но работы хватало на всех, тем более что аппарат после ареста Лукьянова все еще не пришел в себя. Я и сейчас не знаю, как бы мы в столь короткий срок совладали с задачей подготовки такого гигантского форума, если бы не Л. И. Шевцова, ныне вице-мэр Москвы, не ее просто поразительная организаторская хватка. Хорошо помню, что как раз в это воскресенье, уже где-то к вечеру, Сережа Цыпляев³⁵, депутат от ВЛКСМ, а потом чуть не десять лет — представитель президента России в Ленинграде — Санкт-Петербурге, принес мне уже вполне доработанный сценарий съезда, мы что-то еще уточнили. Затем я отправился во Дворец Съездов проверить, все ли готово там, мы с Л. И. Шевцовой обошли основные помещения дворца, здесь все тоже было в порядке: компьютерные системы, звук в зале, рабочие места прессы, узлы связи и т. п. — обеспечение нормального хода больших собраний, как известно, дело нелегкое и непростое.

Возвращаясь к себе, зашел к Нишанову. Он спросил меня:

— Ты домой случайно не собираешься?

— Нет пока, — ответил я.

— Звонили от Михаила Сергеевича, просили не уезжать, он нас вызовет.

Вызвал он нас уже почти в полночь, время в те дни действительно считалось не сутками, а часами. Горбачев выглядел так, словно рабочий день у него не заканчивался, а только начинался. И какой день! ... Заявление мы с Нишановым и читали в полночь в кабинете президента СССР. Как сейчас помню: мы держали в руках оригинал, подписи под Заявлением были разными чернилами, у некоторых президентов были шариковые ручки, у некоторых — перьевые, подписи располагались в хаотичном порядке, очевидно, чтобы не создавать впечатления, кто первый, кто второй, старший и младший.

— Съезд будешь открывать ты, — сказал Горбачев, обращаясь ко мне. — Откроешь и сразу предоставишь слово Назарбаеву. Как только он зачитает Заявление, объявишь перерыв для его обсуждения по республиканским депутатиям. До 14 часов.

— Как же так, Михаил Сергеевич! — запротестовали мы. — У нас работала огромная комиссия, утвержденная, кстати, Верховным Советом. У нас подготовлены проекты документов по всем вопросам повестки дня, тоже по поручению сессии. Сделан очень, мы считаем, удачный сценарий съезда. И все это сразу перечеркивается? Да нас депутаты убют прямо на трибуне. Съезд не воспримет это Заявление.

— Если съезд не воспримет это Заявление, народ может и не вытерпеть повторения той говорильни, которую вы постоянно демонстрируете, — парировал Горбачев. — А президенты просто уведут из зала депутатов своих республик. Ты понимаешь, что тогда уж точно наступит полный хаос? А что ты будешь делать, если на Красную площадь придет миллион человек, об этом уже поговаривают, чтобы потребовать разгона съезда? Страна не может жить без власти, Заявление хоть позволяет ее конституционно перераспределить. Нет, мы просто обязаны проголосовать это Заявление. Ты слишком мягко ведешь заседания, надо жестче, иначе мы утонем в бесконечном словоблудии. В такие-то дни!

Все трое мы понимали, что судьба съезда как института власти предрешена. Он сыграл свою роль, дал всем республикам пример открытой демократической работы, устранил из Конституции руководящую и направляющую роль компартии. На волне демократического порыва народов, часто еще эмоционального, нетребовательного, митингового, «протестного», как скажут позже, пришли к руководству республиками и регионами новые лидеры. Люди еще не осознавали, что повальная суверенизация была освобождением не народов, а республиканских элит и, прежде всего, — освобождением последних от всякого контроля. А так как элиты были в большей части обычной номенклатурной бюрократией, то полную волю брала себе именно номенклатура. Мало кто это сознавал в те дни, что именно съезд, с его открытостью и плюрализмом мнений, мог оказаться здесь важнейшим просветительским фактором. Тем более он был не нужен. Прав был тот грузинский князь, который любил говорить: «Э-э, дорогой! Чего стоит услуга, которая уже оказана!»

Какая-то неимоверно тяжкая тоска давила душу. Я понимал, что в полночь мне не разыскать, не собрать депутатов, с которыми мы совсем недавно согласовали иной порядок работы и иные проекты документов. Получалось, что я говорил им одно, а делаю

другое. Это было тем более горько, что очень многие мои коллеги мне полностью доверяли, а теперь я должен обмануть это доверие. В то же время и выхода не было — настроения республиканских вождей были нам хорошо известны, их угрозы развалить, а то и разогнать съезд приходилось принимать всерьез.

Потом я вроде бы придумал ход: приеду завтра в Кремль пораньше и хоть кого-то из членов комиссии, готовившей Съезд, перехвачу и проинформирую. Но Горбачев, как будто угадав, о чем я думаю, лишил меня и этого шанса:

— Завтра, то есть уже сегодня, президенты республик в половине девятого соберутся в комнате президиума съезда. Вы тоже оба должны быть там.

Дверь, расположенная справа от сцены Кремлевского Дворца съездов (теперь Государственного Кремлевского дворца), из которой обычно выходили партийные боссы и те, кто удостаивался приглашения в президиум, ведет через лестницу из пяти-шести ступенек в довольно большой зал, где обычно собирались приглашенные. Левее этого зала, практически под самой сценой есть тоже не маленькая комната, в которой всегда стоял массивный стол для заседаний. За ним обычно в периоды партийных съездов собирались члены Политбюро, секретари ЦК КПСС. Думаю, человек сорок могут разместиться за этим столом, не мешая друг другу. После образования такой структуры, как съезды народных депутатов СССР, здесь вольно размещались их президиумы. Естественно, комната была оборудована всеми имевшимися тогда средствами связи и системой внутренней трансляции, то есть здесь можно было слышать все, что говорилось в любой микрофон, находящийся в зале заседаний.

Утром я примчался на работу раньше всех, рассчитывая, что может быть кто-то из депутатов случайно объявится или в коридорах, или на связи. Но по известному закону подлости в это утро никто из них не поспешил в Кремль. В 8.20 я пешком пошел из здания Верховного Совета во Дворец съездов.

Главные действующие лица уже подтягивались туда, их волнение тоже чувствовалось. Явно нервничал С. С. Шушкевич, совсем недавно избранный Председателем Верховного Совета Белоруссии, ему предстояло впервые появиться в президиуме, на сцене Дворца съездов. Подъехал Горбачев, держится бодро, со всеми поздоровался за руку. Глядя на него, я подумал: а может, он уже просчитал свои следующие шаги? Заявление заявлением, а надо ведь еще принять Закон, постановления, депутаты будут вносить поправки, можно все это чисто бюрократически «замотать», люди успокоятся, найдем новые решения. Вместе подъехали Ельцин и Назарбаев, очень сосредоточенные, строгие.

Видя, что почти все «подписанты» в сборе, я громко, чтобы слышали все, сказал, что ситуация возникает неловкая, что мы, депутаты, тщательно готовили съезд, в этом участвовали, наверное, человек двести, и так просто от своих предложений они не откажутся. Может, следует все-таки с ними считаться...

Горбачев оборвал меня:

— Иван Дмитриевич, тут тебе не шутки! Мы ведь еще ночью обо всем с тобой договорились, зачем ты опять эту бодягу начинаешь?

А Назарбаев с Ельциным просто взяли меня с двух сторон под руки и кто-то из них, жаль, что не запомнил кто, сказал:

— Не выпендривайся! Как сказано, так и делай! А то останешься в большом зале один.

В комнату вошел передать мне записку заместитель Н. Ф. Рубцова. Быстро и тихо сказал:

— На Красной площади масса народа. Депутаты, которые живут в гостинице «Россия», идут по живому коридору. Оскорблений пока нет, но едких шуточек немало...

Обстановка сконцентрированно накалялась.

Пользуясь тем, что президенты начали что-то уточнять в тексте своего коллективного заявления, я сел чуть в стороне и стал думать о том, как же открыть этот чертов съезд, как управиться с гигантским залом, в котором соберется только депутатов СССР более двух тысяч, а придут еще и российские депутаты, балкон будет забит журналистами, в ложах — дипломаты. Что сказать при открытии — способность наших народных избранников стремительно выбегать на трибуну, захватывать микрофоны и превращать аудиторию в сбояще пиаров, лезущих на абордаж, была мне слишком хорошо известна. Да и не вел я заседания съезда до этого ни разу.

Прозвенел уже второй звонок к началу заседания... Еще пять минут... Все, надо идти.

Президент СССР, президенты и другие руководители вышли первыми и сели в зале на первый ряд. Мы с Рафиком Нишановичем вдвоем поднялись на сцену, за стол президиума, огромный, известный, уверен, всему миру еще с хрущевских времен. Столешница, обтянутая зеленым сукном, около двадцати красных велюровых кресел, два микрофона для председательствующего...

Зал в моих глазах как будто прогнулся — партер просел, крылья амфитеатра приподнялись. И весь он колышется как море — кто-то усаживается поудобнее, кто-то, наклонившись к соседу, завершает разговор, кто-то увидел приятеля, машет ему рукой. А у микрофонов (на 1-м съезде в зале устанавливались восемь микрофонов, потом стали обходиться шестью) уже стояли очереди.

Шумящий, шелестящий зал и подсказал мне, как открыть съезд. По памяти я практически дословно повторил свою краткую речь перед началом работы сессии Верховного Совета СССР, посвященную событиям 19–21 августа и гибели трех молодых москвичей. Только почтить их память призвал не в начале, не в середине выступления, а завершил его этим призывом. На минуту зал замер в мертвотишине...

— Благодарю всех собравшихся. Прошу садиться. И прошу зарегистрироваться.

Из 2250 депутатов почти 2000 были в зале.

И пока еще усаживались и снова настраивались на митинговую волну:

— Пятый Чрезвычайный Съезд народных депутатов Союза СССР объявляю открытым. Слово предоставляется президенту Казахской ССР товарищу Назарбаеву.

Зал охнул и даже не заворчал, а зарычал, но Назарбаев уже был на трибуне.

То, что оглашение Заявления было поручено ему, оказалось очень точным выбором. Нурсултана уважали, мне кажется, все депутаты, уважали настолько, что никто не посмел прервать его или как-то помешать его выступлению.

Привожу зачитанный Назарбаевым документ полностью не только потому, что при передаче в печать он был несколько ужат, но, прежде всего, потому, что он провозглашал ликвидацию, нет, еще не СССР, но уж союзного-то центра без всяких недомолвок.

Заявление

Президента СССР и высших руководителей союзных республик

В результате государственного переворота, совершенного 19–21 августа сего года, был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы.

Сложившаяся в стране после путча ситуация, если она выйдет из-под контроля, может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В этих условиях законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений между республиками, формирования межреспубликанских (союзных) структур власти на переходный период (до принятия новой Конституции

и проведения на ее основе выборов новых органов власти) согласились с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам, независимо от декларируемого ими статуса, с предложением безотлагательно заключить Экономический Союз с целью взаимодействия в рамках единого, свободного экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства, жизнеобеспечения населения, ускоренного проведения радикальных экономических реформ.

3. В условиях переходного периода создать:

— Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик по 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами, для решения общих принципиальных вопросов;

— Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик;

— для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ создать временно Межреспубликанский экономический комитет с представителями всех республик на паритетных началах.

Проект Конституции после его подготовки должен быть рассмотрен и утвержден парламентами союзных республик, а окончательное принятие осуществлено на Съезде полномочных представителей союзных республик.

Подтвердить сохранение статуса народных депутатов СССР за всеми избранными депутатами на весь срок, на который они были избраны.

В связи с этим мы обращаемся к Съезду с просьбой временно приостановить действие соответствующих статей Конституции СССР.

4. Заключить Соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных Сил и военно-стратегического пространства, проведения радикальных реформ в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и Прокуратуре СССР с учетом суверенитета республик.

5. Подтвердить строгое соблюдение всех международных соглашений и обязательств, принятых на себя СССР, включая вопросы сокращения и контроля над вооружениями, внешнеэкономические обязательства.

6. Принять Декларацию, гарантирующую права и свободы граждан вне зависимости от их национальности, места проживания, партийной принадлежности и политических взглядов, а также права национальных меньшинств.

7. Просить Съезд народных депутатов СССР поддержать Обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

В связи с безотлагательностью проведения указанных мер, диктуемых сложившейся ситуацией, мы обращаемся к Съезду срочно принять решение по предложенным вопросам.

Далее Назарбаев сказал:

— Заявление подписали президент Союза ССР и высшие руководители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Туркмении. Представитель Грузии участвовал в работе. Были замечания некоторых республик и в процессе работы ночью, сегодня утром все вопросы были сняты.

В связи с этим Заявлением, уважаемые народные депутаты, вам будет предано второе Заявление — о порядке нашей работы, которое тоже подписано всеми названными высшими руководителями.

Первое. Учитывая ситуацию, время, в которое мы проводим Съезд, вносится предложение провести Съезд в течение трех дней.

Второе. В повестку дня включить вопрос — Заявление президента СССР и высших руководителей союзных республик, рассмотреть предлагаемые меры, принять соответствующее решение. После перерыва, который будет сейчас объявлен для обсуждения Заявления в депутатиях, съезду предлагается избрать рабочий Президиум в составе президента СССР, глав или представителей республик. На первом заседании поручить председательство президенту СССР М. С. Горбачеву, а потом — в порядке очередности. Благодарю за внимание.

Как только президент Казахстана произнес последнюю фразу, я объявил перерыв до 14 часов для обсуждения заявления на съездах республиканских депутатий...

За сценой президенты пожимали мне руку, успокаивали. Затем быстро отправились на встречи с депутатами от своих республик. В результатах этих встреч, можно было не сомневаться — президенты практически полностью контролировали составы и поведение народных избранников от своих регионов, контролировали даже жестче, чем это было в добрые старые времена. Через четыре часа в этом могли убедиться все, кто наблюдал за съездом. Депутации вернулись в зал не только с одобрением Заявления, но и с ультиматумом съезду. Вот как он был сформулирован на съезии депутатов от РСФСР. Огласил его там Г. Х. Попов:

— Вношу следующее предложение: одобрить Заявление и принять его за основу. Если съезд не поддержит заявление, народным депутатам СССР, избранным от Российской Федерации, покинуть съезд.

Это предложение было принято...

В 14 часов мы с Нишановым снова взошли на свою Голгофу. И снова мне пришлось открывать заседание. Надо было избрать рабочие органы съезда, секретариат, группу наблюдения за электронной системой голосования, но главное — президиум. Уже по схеме, предложенной Назарбаевым.

Хотя у микрофонов по-прежнему стояли очереди, настроение в зале было совсем не таким, как утром. Президенты, чувствовались, поработали.

От микрофонов махали руками и даже кричали. Не обращая на это внимания, я быстро проголосовал все три вопроса — списки фамилий были у депутатов на руках — и пригласил президента и руководителей республик в президиум. Сказал в микрофон:

— Если никто не возражает, президент СССР М. С. Горбачев будет вести это заседание.

Никто не возражал или не успел возразить. Я с огромным облегчением уступил Горбачеву председательское место и сел рядом с ним.

Президент повел заседание жестко, предупредив очереди у микрофонов, что такие демонстрации он не воспринимает и будет давать слово только представителям республик, чтобы они доложили согласованные позиции своих депутатов. Доклады получились столь лаконичными, что за полтора часа успели выступить 14 человек, да еще голосование по двум вопросам провели.

Как и ожидалось, мнение было одно. Два или три депутата упрекнули нас за нарушение регламента, Ю. Н. Щербак (от Украины) возразил против Конституции СССР — не нужна такая надстройка, жить будем по-своему, украинскому, Основному Закону, Т. П. Буачидзе зачитал обращение к съезду от Верховного Совета Грузии с просьбой признать независимость республики, это повторили представители Кыргызстана и Молдовы, Я. Я. Петерс (Латвия) выразил признательность народу России, спасшему мир, демократию, и вручил Горбачеву петицию с предложением немедленно издать указ о признании независимости Латвии, А. А. Собчак (РСФСР), С. С. Шушкевич (Белоруссия), В. Т. Адылов (Узбекистан), Э. М. Кафарова (Азербайджан), С. Х. Негматуллоев (Таджикистан) и все остальные выступавшие поддержали Заявление с минимальными и в основном чисто формальными замечаниями.

Михаил Сергеевич быстро подвел итог: раз есть такая общая позиция по Заявлению, значит, есть и согласие по повестке дня съезда, поскольку она сформулирована в Заявлении, и можно ее утвердить. Он поставил вопрос на поименное голосование. 1350 — «за», «против» только 107. Повестка утверждена.

Как-то быстро между выступлениями сформировали комиссию, которой предстояло превратить Заявление одиннадцати в проект соответствующего конституционного закона, который, собственно, и должен был стать главным результатом работы высшего органа государственной власти Советского Союза.

На второй день нашей работы комиссия уже представила проект закона. В нем содержались такие предложения: избрать нового вице-президента, временного председателя Верховного Совета СССР,

сохранить за Верховным Советом права высшего законодательного органа страны, являющиеся сейчас прерогативой только съезда, сформировать центральное правительство, а Госсовету, о котором говорится в заявлении, наследовать функции Совета Федерации. В значительной мере сохранялись полномочия президента СССР.

После завершения второго дня работы съезда президенты взялись за этот проект и «разнесли» его. Правда, критика была слишком общей: просто не так — и все. Не устраивали не статьи предлагаемого законопроекта, не устраивало их нечто другое, а именно хоть какое-то сохранение союзных структур, продление жизни пресловутого Центра. Не случайно почти весь этот день в зале настойчиво звучала критика в адрес союзных министерств, других структур, не обходилась и политика Центра, который, как сказал Б. Н. Ельцин, безнадежно отстал от страны. Единственным светлым моментом второго дня были выступления депутатов от автономий, которые в лице Центра всегда видели защитника от произвола руководства союзных республик.

Раздраженные и усталые, доделав еще какие-то дела в кабинетах, мы разъехались по домам. Я уже сбился со счета, которую ночь сплю от силы четыре часа, и настроился отдохнуть. Не удалось. Ночью, после 24 часов, позвонил президент.

— Только что звонил Руцкой, — сообщил он. — Говорит, что они с Шахраем сделали очень удачный вариант закона. Организуй, чтобы завтра с утра он был роздан депутатам.

— Михаил Сергеевич! — взмолился я. — На съезде же комиссию для этого утвердили. Мимо нее и без нее никакие проекты Закона раздавать нельзя. Опять будет грандиозный скандал! И потом: вы же не видели этот вариант, я не видел, Нишанов не видел, Калмыков, уверен, — тоже (Ю. Х. Калмыков, один из крупнейших советских юристов, возглавлял упомянутую выше комиссию).

— Да, пожалуй, ты прав, — сказал президент, не очень, правда, добрым голосом. — Тогда организуй, чтобы по экземпляру было у членов президиума. Опять соберемся пораньше, вместе посмотрим, доработаем. Я сейчас скажу, чтобы всех предупредили.

— Калмыкова не забудьте пригласить, — попросил я.

По двум «вертушкам», которые стояли у меня в квартире, я стал разыскивать Руцкого. Не нашел. Позвонил Н. Ф. Рубцову и с облегчением узнал, что пакет от Руцкого уже привезли в Кремль. Я попросил его сделать 50 копий и в восемь часов утра разложить их на столе в комнате Президиума.

Приехал на работу опять раньше всех, кроме Рубцова, конечно, который, наверное, вообще не ездил домой, и сразу же вцепился в привезенный ночью текст. Законопроект был составлен весьма

квалифицированно, угадывалась рука С. М. Шахрая. Важно было то, что существенная часть вчерашних предложений нашей комиссии была хоть и не в прежней форме, но учтена.

В 9 часов весь президиум съезда был уже во дворце. Вместе с Ельциным приехали А. В. Руцкой, Г. Э. Бурбулис, С. М. Шахрай. Так как Горбачев на их появление не прореагировал, я решил, что это с ним согласовано. (Позже узнал, что нет.) Ю. Х. Калмыков внимательно читал проект, что-то помечая на полях.

— Ну что, давайте быстро посмотрим, — предложил Горбачев. — А то ведь через час заседание надо открывать.

Разместились за столом. Началось коллективное «творчество»: каждый правил по своему экземпляру, президенты громко вносили предложения, Ельцин черными чернилами густо украшал листы, лежащие перед ним. Вице-президент? Хватит нам того, что был. Центральное правительство? Опять эта армия чиновников будет мешать реформам. Верховный Совет — высшая законодательная власть? Надо его в принципе реформировать, ничего хорошего от «лукьянновского» парламента ждать не приходится. Полномочия президента? Да у президента и так вся власть остается — он же будет руководить Госсоветом. А Госсовет должен все взять на себя.

М. С. Горбачев пытался отстаивать некоторые позиции, с ним иногда соглашались, чаще нет. Несколько раз возвращались к формулировкам, по которым уступили ему, и опять пытались их либо вычеркнуть, либо переделать по-своему. Ельцин и Назарбаев явно действовали заодно. Шушкевич особой активности не проявлял. Л. М. Кравчук, приехавший к этому дню на съезд, твердо добивался, чтобы Верховный Совет ССРР был квалифицирован не как законодательный, а лишь как представительный орган, расставляя тем самым очередную ловушку центральной власти, точнее, ее последней структуре. Шахрай и Калмыков легко и убедительно уточняли юридические формулировки, предлагали варианты. Руцкой устало курил, в работу почти не вмешивался. Бурбулис, сидевший рядом с Горбачевым, высказался раз или два, но по самым принципиальным вопросам — управление хозяйством, подчиненность МВД, КГБ, МИДа и армии.

Время истекло, надо было идти в зал. Решили, что теперь проект уже можно раздать депутатам, а вторую половину дня дорабатывать его опять на собраниях депутатов по республикам.

Наша вера в то, что коллективный разум куда как более эффективен, справедлив и принципиален, чем индивидуальный, совершенно неистребима. Если бы экономикой, производством, а уж тем более конструкторскими, научными разработками можно было управлять посредством собраний и дискуссий, Отчество наше уже

давно процветало бы на зависть всему неколлективизированному человечеству. Особенно мы обожаем коллективность в политике, делая вид, что не понимаем, или действительно не понимая навязанной нам роли коллективной ширмы для интересов очередного политика, между прочим, интересов сугубо индивидуальных.

Если президенты республик не смогли провести в законопроект какие-то идеи утром, они с успехом сделали это вечером, при обсуждении документа со своими депутатами. В частности, именно тогда вылетел из проекта пункт о временном председателе Верховного Совета СССР, хотя все президенты знали, что на это место Горбачев хотел предложить кандидатуру А. А. Собчака и, по-моему, даже уговорил его не отказываться. На собрании российских депутатов СССР этот пункт был решительно ликвидирован. Впрочем, тут, возможно, надо учитывать и масштаб фигуры Собчака; вряд ли как московская, так и российская политическая тусовки очень уж радовались появлению в столице столь яркого политика да еще в роли фактически второго лица в государстве. Некоторые депутаты предлагали это чуть ли не с первых дней существования нового Верховного Совета СССР. И действительно, какой бы мощный тандем мог получиться: Горбачев — Собчак! Не чиновник, не интриган — политик, оратор, ученый-юрист. Михаил Сергеевич положился на старую дружбу...

Мы сидели с ним в комнате президиума Съезда и по внутренней трансляции слушали, как Б. Н. Ельцин ведет собрание депутатов от РСФСР. Собственно, мы и сами были российскими депутатами, но наша причастность к Центру была для ельцинской команды абсолютно нетерпима, и на собрания такого рода нас никогда не приглашали. Больше никого в комнате не было. Обсуждение затягивалось. Из зала слышны были голоса Шахрая и почему-то особенно часто Цыпляева. Ельцин через микрофон председательствующего отвечал: «Вычеркиваем!», «Снимаем!» От законопроекта оставались республиканские рожки да ножки.

— Михаил Сергеевич! — обратился я к президенту. — Что же мы получим в результате? Вы же видите, что у президента СССР не остается ничего. Даже представительские функции и те никак не зафиксированы.

— Знаешь, надо это перетерпеть, — ответил он, как обычно. — Ты думаешь, меня все это не задевает, не бьет? Еще как задевает! Я ведь все вижу и все понимаю. Но я убежден: еще немного и процесс все-таки нормализуется. Пройдет опьянение независимостью, пройдет. Главное сейчас — не допустить открытой конфронтации, не вызвать силовых столкновений. Потом и народ, и руководители поймут, что надо считаться друг другом, согласовывать интересы.

А для этого нужны центральные структуры, без них не обойтись. Надо набраться выдержки, терпения. Не паникой.

Не дождавшись завершения собрания, мы ушли. Вечером съездовская комиссия собрала и свела воедино замечания и предложения всех республик. Еще раз все мы встретились утром, снова «прошлись» по тексту законопроекта. 5 сентября 1991 года (все-таки в три дня не уложились) конституционный Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» был принят фактически, ну, по крайней мере, процентов на девяносто, в редакции руководства РСФСР. Видимо, так и не отдавая себе полного отчета в том, куда мы переходим и откуда уходим, народные депутаты нажали на зеленые кнопки системы голосования.

Заседание опять вел Горбачев. Думаю, его влияние в очень большой степени предопределило оглушительный результат голосования, депутаты, как и многие представители других властных структур СССР, продолжали надеяться на политическую изворотливость президента, на его умение примирять, казалось бы, абсолютно непримиримое. Конечно, под суровым давлением республиканских президентов депутаты все равно бы приняли закон. Но чтобы так! После постатейного голосования, в котором «жертвою пало» только положение «О нецелесообразности проведения в переходный период очередных Съездов народных депутатов СССР», законопроект в целом принимается 1682 голосами «за». Против только 43 депутата.

Из текста закона совершенно логично следовало, что, хотя прямого запрета на созыв съездов удалось избежать, созвать их будет невозможно. Возникший впервые после Учредительного собрания, разогнанного большевиками 6 января 1918 года, самый представительный, можно уверенно сказать — всенародный, форум совершил харакири, чтобы не ввергнуть страну в потрясения, которые у нас, как покажет опыт октября 1993 года, всегда могут стать бессмысленными и беспощадными. И сколько бы потом ни сожалели об этом сами народные депутаты СССР, сколько бы потом их ни упрекали в консерватизме, выбора у них не было.

Убедительнее всего это подтверждает текст принятого закона:

Статья 1. В переходный период высшим представительным органом власти Союза ССР является Верховный Совет СССР, состоящий из двух самостоятельных палат: Совета Республики и Совета Союза.

В Совет Республики входит по 20 депутатов от каждой союзной республики из числа народных депутатов СССР и союзных республик, делящихся высшими органами государственной власти этих республик. С учетом федеративного устройства РСФСР она имеет в Совете Республики

52 депутата. Другие союзные республики, имеющие в своем составе республики и автономные образования, дополнительно делегируют в состав Совета Республик по одному депутату от каждой республики и автономии. В целях обеспечения равноправия республик при голосовании в Совете Республик каждая союзная республика имеет один голос.

Совет Союза формируется депутатами союзных республик из числа народных депутатов СССР по существующим ныне квотам и по согласованию с высшими органами государственной власти союзных республик.

Статья 2. Совет Республик и Совет Союза Верховного Совета СССР совместными решениями вносят изменения в Конституцию СССР, принимают в состав Союза ССР новые государства, заслушивают Президента СССР по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, утверждают союзный бюджет и отчет о его исполнении, объявляют войну и заключают мир.

Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности союзных органов, ратифицирует и денонсирует международные договоры Союза ССР.

Совет Союза рассматривает вопросы обеспечения прав и свобод граждан и принимает решения по всем вопросам компетенции Верховного Совета СССР за исключением тех, которые относятся к компетенции Совета Республик. Законы, принятые Советом Союза, вступают в силу после их одобрения Советом Республик.

Высшие органы государственной власти союзных республик вправе приостанавливать на территории республики действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР, только в случае их противоречия Конституции союзной республики.

Статья 3. Для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, образуется на межреспубликанской основе Государственный Совет СССР. Государственный Совет СССР состоит из Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, названных в Конституции СССР. Работой Государственного Совета СССР руководит Президент СССР. Государственный Совет СССР определяет порядок своей деятельности. Решения Государственного Совета СССР носят обязательный характер.

Статья 4. Должность вице-президента СССР упраздняется.

Если Президент СССР по тем или иным причинам не может далее исполнять свои обязанности (в том числе — по состоянию здоровья, подтвержденному заключением государственной медицинской комиссии, образуемой Верховным Советом СССР), Государственный Совет СССР избирает из числа своих членов Председателя Государственного Совета СССР, временно исполняющего обязанности Президента СССР. Это решение подлежит утверждению Верховным Советом СССР в течение трех дней.

Статья 5. Для координации управления народным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ и социальной политики союзные республики образуют на паритетных началах Межреспубликанский экономический комитет. Председатель Комитета назначается Президентом СССР с согласия Государственного Совета СССР. Руководство общесоюзовыми органами, ведающими вопросами обороны, безопасности, правопорядком и международными делами, осуществляется Президентом СССР и Государственным Советом СССР.

Межреспубликанский экономический комитет и руководители обще-союзных органов подотчетны в своей деятельности Президенту СССР, Государственному Совету СССР, Верховному Совету СССР.

Статья 6. Сохраняется статус народных депутатов СССР за всеми депутатами на срок их полномочий, включая право на участие в работе Верховного Совета СССР и его органов.

Статья 7. Созыв первого заседания сессии нового состава Верховного Совета СССР осуществляется Президентом СССР не позднее 2 октября 1991 года.

На период до начала работы Верховного Совета СССР нового состава сохраняются полномочия существующего Верховного Совета СССР, сессия которого может быть созвана председателями палат.

Статья 8. Положения Конституции СССР действуют в части, не противоречащей настоящему Закону.

Изменения Конституции СССР, принятые Верховным Советом СССР, вступают в действие после их ратификации высшими законодательными органами всех союзных республик.

Статья 9. Настоящий Закон вступает в силу с момента его опубликования, за исключением статьи 2, которая вступает в действие с момента открытия первой сессии Верховного Совета СССР нового созыва.

Президент Союза Советских
Социалистических Республик

М. Горбачев
Москва. Кремль
5 сентября 1991 г.

...

Суть закона была, конечно, не в этом. «Представительный орган власти», хотя и высший (ст. 1), мало тревожил республиканских лидеров. Было записано главное: власти союзных республик вправе приостанавливать на территории своих республик действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР. Правда, добавлено: в случае их противоречия конституции той или иной республики. Но попробуй докажи, что не противоречит. Сама Россия вот уж десять лет решает с субъектами Федерации этот вопрос — противоречат или не противоречат.

К этому колossalному юридическому подрыву существования единой страны добавили и организационный подрыв, устранив практически все союзные органы исполнительной власти, переведя силовые структуры в некое небывалое двойное подчинение.

И подвели итог: положения Конституции СССР действуют в части, не противоречащей настоящему закону. То есть действие Конституции СССР приостанавливалось, так как все ее формулировки, касающиеся устройства процесса законотворческой деятельности, формирования выборных органов, противоречили этому закону.

Его применение ярче всего, на мой взгляд, продемонстрировал российский парламент. 27 сентября 1991 года новый Верховный

Совет СССР еще ни разу не собрался и не был даже сформирован, а наши коллеги в «Белом доме» уже послали ему суровый привет:

«Народные депутаты РСФСР и народные депутаты СССР, представляющие РСФСР в Верховном Совете СССР, руководствуются в своей деятельности Конституцией и Законами РСФСР, решениями Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, а также действующим на территории РСФСР законодательством Союза ССР и отстаивают экономические и политические интересы Российской Федерации. (Как видим, постановлениями и решениями Верховного Совета СССР, съездов СССР они руководствоваться не могут и интересы СССР не имеют права отстаивать. — Авт.).

Народные депутаты РСФСР и народные депутаты СССР, представляющие РСФСР в Верховном Совете СССР, могут быть отзваны Верховным Советом РСФСР... (Здесь совсем исчезают статья 6 только что принятого закона и избиратель. Избрать он избрал, а вот отзовут без него. — Авт.)

Решения Верховного Совета СССР, не поддержаные делегацией РСФСР, подлежат незамедлительному рассмотрению на сессии Верховного Совета РСФСР, а в период между сессиями — на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР (над союзным парламентом берет контроль даже не российский парламент, а всего лишь его президиум. — Авт.)».

И только-только ударил беловежский колокол, последовало:

«...Отозвать депутатские группы РСФСР из Совета Республик и Совета Союза Верховного Совета СССР». (Из постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года).

А после этого можно поставить крест на самих народных депутатах СССР:

«Прекратить депутатскую деятельность народных депутатов СССР на территории Российской Федерации со 2 января 1992 года. Не применять с того же срока нормативные акты бывшего СССР, регулирующие их деятельность». (Из постановления Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1991 года.)

С горечью приходится вспоминать, что политиков, с энтузиазмом голосовавших за то, чтобы «добить гидру» — союзный парламент, всего лишь через пару лет самих постигнет страшная судьба: их разгромят не просто указами и постановлениями, а снарядами из танковых пушек, автоматными очередями и дубинами спецназа. Российский Верховный Совет будет, как и союзный, тоже объявлен отставшим от страны, от реформ, реакционным и опять же во имя этих реформ сметен с лица земли.

Но пока он торжествовал победу. Нам же после закрытия съезда надо было собирать новый Верховный Совет СССР. Приведенный

выше конституционный закон указал точную дату: 2 октября 1991 года. Еще утром 5 сентября, во время последнего обсуждения законопроекта в комнате президиума, мы с Нишановым пытались вну什ить Горбачеву, что времени мало, что не успеем. Президент отмахнулся: «Ничего, успеем. Работать надо больше!» И вот теперь председатели палат опять превратились в «телефонистов», по несколько раз в день обзванивая все республики СССР, кроме прибалтийских. Туда уже не было нужды звонить: на первом же своем заседании 6 сентября только что образованный съездом Госсовет принял постановление о признании независимости Литвы, Эстонии, Латвии.

Поскольку союзный парламент теперь стал как бы «дочерним» по отношению к республиканским Верховным Советам, надо было не только добиться, чтобы республики определили, кто будет их представлять в Кремле, но и утвердили депутатские составы на сессиях своих Верховных Советов. Вроде бы рутинная задача, но решить ее нам никак не удавалось.

С каждым днем становилось все более ясным, что республикам не нужен даже полностью зависимый от них, но — союзный парламент. Некоторые из президентов и председателей Верховных Советов просто избегали выходить с нами на связь. Другие обещали быстро сформировать свои депутатии, но обещаний не выполняли. Третьи уверяли, что все уже обсуждено, решено, проголосовано, однако потом меняли свою позицию, принимались заново «тасовать» состав депутатов.

Уже через несколько дней после начала этих сложных, порой унизительных, чаще явно бесполезных переговоров мы поняли, что в контрольный срок не уложимся. 13 сентября мы послали по этому поводу первую записку президенту СССР.

М. С. ГОРБАЧЕВУ

О сессии Верховного Совета СССР нового состава

I. Как известно, сессия должна собраться 2 октября. Вопрос о том, будет ли этот срок выдержан, пока остается открытым. Главная проблема — формирование депутатий от республик.

На 12 сентября, можно сказать, вполне определились с составом депутатий по обеим палатам (хотя эти составы должны будут еще пройти через сессии Верховных Советов) следующие республики:

Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан, Киргизия. Туркмения. В Армении вопрос будет решен после 20 сентября. Из Узбекистана на утро 13 сентября информации не было. Активная работа идет в РСФСР, результаты будут известны позже. Есть некоторые неясности по Украине. 12 сентября заместитель Председателя Верховного Совета Украины т. Гринев В. Б. выступил на сессии Верховного Совета с предложением безотлагательно определить формы участия Украины в межреспубликанских

органах. Окончательное решение по этому вопросу поручено принять Президиуму Верховного Совета Украины до 17 сентября. Молдова собирается прислать наблюдателей, Прибалтийские республики — тоже; от Грузии информации нет.

Было бы целесообразно обратить внимание членов Госсовета на ход формирования Верховного Совета СССР и попросить тт. Ельцина Б. Н. и Кравчука Л. М. взять этот процесс по своим республикам под личный контроль.

В качестве запасного варианта, видимо, следует проговорить возможность переноса открытия сессии примерно на 20 дней в связи с тем, что не все Верховные Советы республик смогут за это время полностью определиться по депутатиям. Такой перенос может быть осуществлен только Указом Президента, ибо Съезд ему поручил созыв сессии, и, разумеется, тут требуется согласие членов Госсовета.

Горбачев сразу согласился с нами и подписал первый указ о переносе сессии. Потом ему придется подписать и второй указ по этому вопросу.

Самой «трудной» для нас опять стала Украина. Сегодня уже и не счесть разговоров с Л. М. Кравчуком, с его заместителем, а позже соперником на выборах президента Украины, Владимиром Гриневым, с народными депутатами СССР от республики, которые не раз пытались сами собрать депутатию хотя бы в одну палату союзного парламента. Трижды я просил М. С. Горбачева переговорить с Кравчуком, хотя видел, что мои просьбы раздражают его. Результатов не прибавлялось, а время стремительно убывало. 30 сентября мы были вынуждены направить президенту СССР еще одну записку, наклеив к ней «флажок»: «Срочно! Просьба доложить при первой возможности!»

Президенту СССР
товарищу Горбачеву м. С.
Уважаемый Михаил Сергеевич!

Перед заседанием Госсовета в г. Алма-Ате считаем необходимым обратить Ваше и членов Госсовета внимание на положение, которое складывается с созывом сессии Верховного Совета СССР нового состава.

1. Только пять суверенных республик — Белоруссия, Казахстан. Киргизия, Таджикистан и Туркмения — сформировали, утвердили и прислали в Президиум ВС СССР списки депутатий в обе палаты. ВС РСФСР рассматривает состав депутатий в эти дни.

2. Изменил свою позицию Азербайджан, ранее намеревавшийся утвердить депутатию 25 сентября. Теперь вопрос будет рассматриваться на Президиуме ВС республики 1 октября и только 16 октября — на сессии.

3. Армения выразила намерение участвовать в работе межреспубликанских центральных органов, но о депутатии пока не дала никакой информации; такое же положение в Узбекистане.

4. Молдова намеревается прислать наблюдателей, но Приднестровье сформировало свою депутатию и требует предоставить ей статус полно-

мочного представительства; Грузия не дала ответа ни на одно обращение, а Юго-Осетия известила, что она обязательно направит в ВС СССР своих депутатов.

5. Латвия, Литва, Эстония, первоначально считавшие возможным присутствие в ВС своих наблюдателей, видимо, отказались от этого. Вопрос на обсуждение парламентов не выносился и не готовится к этому.

6. Совершенно неясной остается позиция Украины. ВС республики так и не определился, участвует она или нет в деятельности межреспубликанских центральных органов; ближайшее заседание ВС Украины состоится не ранее 8 октября.

Таким образом, открытие сессии Верховного Совета СССР нового состава может состояться 8 октября с участием депутатов РСФСР, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана (?), Армении (?); прибудут депутаты Приднестровья, Юго-Осетии, вероятно, Абхазии, что, по нашему мнению, сразу же резко повлияет на обстановку в Молдове и Грузии; задержка депутатации Азербайджана означает немедленный самостоятельный приезд депутатов от НКАО (38). Нам сообщают также о готовности самостоятельного участия депутатов Крыма.

Мы настоятельно просим Вас поставить эти вопросы перед Госсоветом. Неучастие Украины — это, как Вы понимаете, не просто отсутствие одной депутатации, это сигнал и демонстрация всему мировому сообществу о том, что от реформируемого СССР политически откололась крупнейшая республика. В таком случае союзный парламент, который ныне остается для мира последним свидетельством (вместе с Президентом Горбачевым) существования такого субъекта международного права, как наше союзное государство, разрушается окончательно и перестает быть таким свидетельством. Да и вообще, о какой правовой дееспособности Верховного Совета может идти речь без участия в нем Украины?!

В связи о изложенным было бы целесообразно в целях проведения дополнительных консультаций с республиками по вопросам формирования нового Верховного Совета еще раз отсрочить начало работы сессии.

Некоторые комитеты и комиссии ВС СССР, депутатские группы считают, что определенным выходом из создавшейся ситуации могла бы быть реализация права, предоставленного председателям палат Законом от 5 сентября с. г. «Об органах государственного управления в переходный период», созвать Верховный Совет старого состава. Он мог бы сформировать комиссию по разработке нового избирательного закона, определить срок его принятия и назначить новые выборы. Но это можно сделать при одном условии; если на Госсовете удастся договориться, что такие выборы будут. Без этого созывать старый Верховный Совет СССР можно только для заявления о самороспуске.

Более перспективным представляется принятие Госсоветом Заявления, а лучше Обращения к Президенту СССР «О предстоящей сессии Верховного Совета нового состава». В этом Заявлении, по нашему мнению, должен быть поставлен вопрос о подготовительном периоде сессии, перечислены те проблемы внутренней и внешней политики, для которых настоятельно необходимо создание правовой основы. То есть «подготовительный период» имел бы двойное предназначение: оставляя возможность дальнейших консультаций с парламентами республик по процессу формирования ВС

СССР, он стал бы временем целенаправленной подготовки неотложных законопроектов уже набравшими опыт комитетами и комиссиями, куда можно сразу же привлекать и новых, утвержденных республиками членов ВС СССР.

Иными словами, необходимо какое-то решение. Ибо собрать ВС СССР без Украины или не собрать его вообще — это примерно одно и то же, а именно: предпоследнее свидетельство крушения Центра хоть в старом, хоть в новом его понимании. И полное публичное признание дезинтеграции страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Председатель
Совета Союза
Верховного Совета СССР
(*И. Лаптев*)

Председатель
Совета Национальностей
Верховного Совета СССР
(*Р. Нишанов*)

Ничего не получалось у нас и с членами Верховного Совета СССР от РСФСР. Российский парламент не проявлял к формированию нового союзного парламента ни малейшего интереса, видимо, уже закрыв для себя этот вопрос. Р. И. Хасбулатов все еще не избран спикером Верховного Совета (это произойдет только 28 октября 1991 года на втором этапе 5-го Съезда народных депутатов РСФСР), ему не до формирования депутатий, да и от Ельцина он каких-либо указаний на этот счет не имел. Тогда я позвонил Б. Н. Ельцину.

У президента России было одно замечательное и, по-моему, еще никем не отмеченное качество: если он был на месте и мог разговаривать, он после доклада дежурного помощника о звонке брал трубку. Если его не было на месте, обязательно перезванивал сам. Иными словами, если ты, конечно, по соответствующим системам правительенной связи звонил Ельцину, то мог быть на сто процентов уверен, что разговор состоится. Причем Ельцин мог перезвонить и поздним вечером, и даже ночью — время он измерял по-своему. Жаль, что такая деловая обязательность и корректность потом были утрачены, а у его многочисленных соратников они как-то вообще не привились.

На месте его не было, но через 2–3 часа он позвонил.

— Вы мне звонили? Слушаю вас.

Я обрисовал ему ситуацию с формированием Верховного Совета СССР и попросил вмешаться в определение состава российских представителей. Он предложил завтра же встретиться в Большом Кремлевском дворце, где шел очередной съезд или сессия Верховного Совета народных депутатов РСФСР, переговорить

в перерыве. Не знаю, как позже, но тогда память у него была отменной. В условленное время он появился в Екатерининском зале БКД, где я его ждал. Не присаживаясь, просто облокотившись на высокий мраморный подоконник, мы за несколько минут обо всем договорились. Причем ничего из сказанного вчера повторять не пришлось. Российской депутатию можно было считать сформированной. Так и произошло.

С Украиной же дело никак не двигалось. 8 октября сессия Верховного Совета республики действительно открылась, и действительно в первоочередном порядке, как и обещал мне Гринев, был поставлен вопрос «О депутатской группе Украины в Совете Республик и Совете Союза Верховного Совета СССР переходного периода». 9 октября парламент Украины принял за основу проект постановления, в котором говорилось:

«Учитывая то, что Верховный Совет СССР в соответствии с Законом СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» наделен правом принимать законы, которые действуют на территории суверенных республик, что противоречит Конституции Украины, Акту о независимости Украины, Декларации о государственном суверенитете Украины, депутатские группы в Совет Республики и Совет Союза Верховного Совета СССР не направлять».

И даже несмотря на то что В. Б. Гринев получил поручение еще раз изучить вопрос, провести консультации с другими союзными республиками и через неделю еще раз доложить об этом на сессии, было ясно, что Украина решение приняла.

В этом я еще раз убедился, когда в Москву привезли протокол обсуждения. Всего выступил 21 депутат, то есть дискуссия была напряженной. 7 ораторов выразились за делегирование украинских представителей в Верховный Совет СССР, 10 — против, а еще 4 — за то, чтобы участвовать в работе только одной палаты — Совета Республик. И среди этих четырех — Л. М. Кравчук и В. Б. Гринев. По сути дела, это тоже были выступления «против», так как двухпалатный парламент приобретал при таком подходе абсолютную нелегитимность.

11 октября мы с Р. Н. Нишановым доложили об этом Горбачеву, и он после долгих колебаний еще раз отложил начало сессии нового Верховного Совета.

По-моему, это была наша последняя с Рафиком совместная записка президенту СССР. Мой коллега оказался в весьма щекотливом положении. Наши с ним полномочия председателей палат завершались в день открытия сессии Верховного Совета нового состава. Меня это не очень волновало, так как я уже принял свое

решение — в отставку, независимо от того, будут меня снова рекомендовать председателем или не будут. У Нишанова ситуация была принципиально иной. В республику он вернуться не мог, ибо они с президентом Узбекистана Исламом Каримовым, мягко говоря, терпеть не могли друг друга. В Москве ему работу никто не предлагал. Жил он в хорошей, но служебной квартире, на которую, безусловно, начнет претендовать новый руководитель палаты.

Совершенно понятно, что в таком положении человек не может гореть трудовым энтузиазмом, поэтому приходилось все чаще закрывать амбразуру собой. А задачи были нешуточные. Наряду с формированием Верховного Совета надо было готовить реформирование Конституционной комиссии и приступать к работе над изменениями в Конституции СССР. Не просто актуальным, а сверхактуальным было принятие нового избирательного закона, для чего его, разумеется, следовало сначала написать. Измененные условия формирования парламента означали, что в Верховный Совет СССР войдет значительная группа людей, не являющихся союзными народными депутатами, — как оплачивать и организовать их труд, где разместить, ведь к началу сессии члены старого Верховного Совета не успеют освободить занимаемые ими помещения (некоторые вообще отказались это сделать)? Какую форму голосования определить на совместных заседаниях палат, учитывая, что в палате Совет Республик будет действовать принцип: одна республика — один голос? Так как Комитет по делам обороны и безопасности на последней сессии Верховного Совета расформирован, кто будет заниматься проблемами национальной безопасности? По новой схеме работы требуется еще один зал заседаний, надо попытаться заполучить зал пленумов ЦК КПСС, здесь же, в Кремле. Какие изменения требуется внести в Закон о статусе народного депутата СССР, чтобы уберечь парламентариев от преследований местной номенклатуры, которые обязательно будут? Надо хотя бы вчerне определить механизмы взаимодействия Верховного Совета с Госсоветом СССР. И так далее, и так далее.

Самыми тяжелыми были, как и всегда, персональные вопросы. Депутат Биходжал Рахимова была выведена из Верховного Совета СССР в связи с ее избранием секретарем ЦК Компартии Таджикистана, а затем лишена депутатского статуса по причине назначения вице-премьером СССР. Теперь она не секретарь, не вице-премьер, не депутат. Восстановить ее депутатский статус не позволяет закон, оставаться в республике, где она подвергается шельмованию и за то, что была секретарем ЦК, и за то, что была вице-премьером, она не может. Квартиры в Москве нет. В таком же положении генерал-лейтенант, бывший командующий 73-й воз-

душной армией, базировавшейся в Узбекистане, В. Г. Шканакин. Он только что перешел на постоянную работу в Верховный Совет, оставил поэтому свою должность, сдал жилье в республике, которая теперь не собирается его рекомендовать в новый состав союзного парламента. Незадолго перед этим схожие ситуации пережили О. Н. Сосковец³⁶ и С. Н. Хаджиев³⁷ — оба были назначены министрами СССР, оба сдали депутатские мандаты, а правительство пало. Чем помочь, к кому обратиться? Это было невыносимо.

На эти же дни выпали и не менее тягостные встречи с послами стран бывшего социалистического лагеря. Власть переменилась практически везде, послов, направленных в СССР одними режимами, отзывали уже другие режимы. Исключение составлял, пожалуй, только Р. Сланский, посол Чехословакии, который приехал в Москву еще до всех наших крутых перемен и устраивал новое руководство своей страны. Других же наших «братьев по классу» ждали дома добро бы пенсия, но чаще всего суровые разбирательства. Защитить их разваливающийся Советский Союз, его дезорганизованное руководство не могли. Президент по чьей-то рекомендации не принимал уезжающих послов. МИД обращался к нам, без визита в Кремль отпускать дипломатов было совсем уж неприлично. Так как я отвечал в Верховном Совете за международные дела, мне достались и международные слезы. Конечно, послы — люди опытные, держались они достойно, но не требовалось большой проницательности, чтобы видеть их растерянность и обиду.

В эти дни я часто бывал у М. С. Горбачева, постоянно встречался с его помощниками, советниками, особенно с А. Н. Яковлевым. И с тревогой замечал, что времени для разговоров и у президента СССР, и у его окружения становится все больше...

<...>

Все более отчетливо было видно, как на глазах тает власть президента СССР, уменьшается его влияние, все более прозрачным становится сам институт союзного президентства. В Кремль все еще приезжали послы иностранных государств, мы спорили по поводу формулировок различных союзных законов, пять ЗИЛов президента регулярно тревожили седую тишину кремлевских соборов и площадей... Но... Союз ССР — странное образование, вместившее «двунадесять языков и народов», завершало свое существование, а человек, который больше всех сделал для этого, не узнавал плоды своих усилий.

28 ноября 1991 года я в последний раз приехал на заседание Верховного Совета СССР. Был какой-то серый, туманный день, все, кто встречался, казались такими же тусклыми, как этот день.

Опять промчался к сенатскому корпусу, где размещалась резиденция Горбачева, президентский кортеж. Вроде бы опять удалось установить рутинный порядок, более-менее размеренную жизнь государства. Но где-то далеко от Москвы, в знаменитом экологическом заповеднике Беловежская пуща, в поселке Вискули уже начинали топить бани и чистить дорожки от снега.

